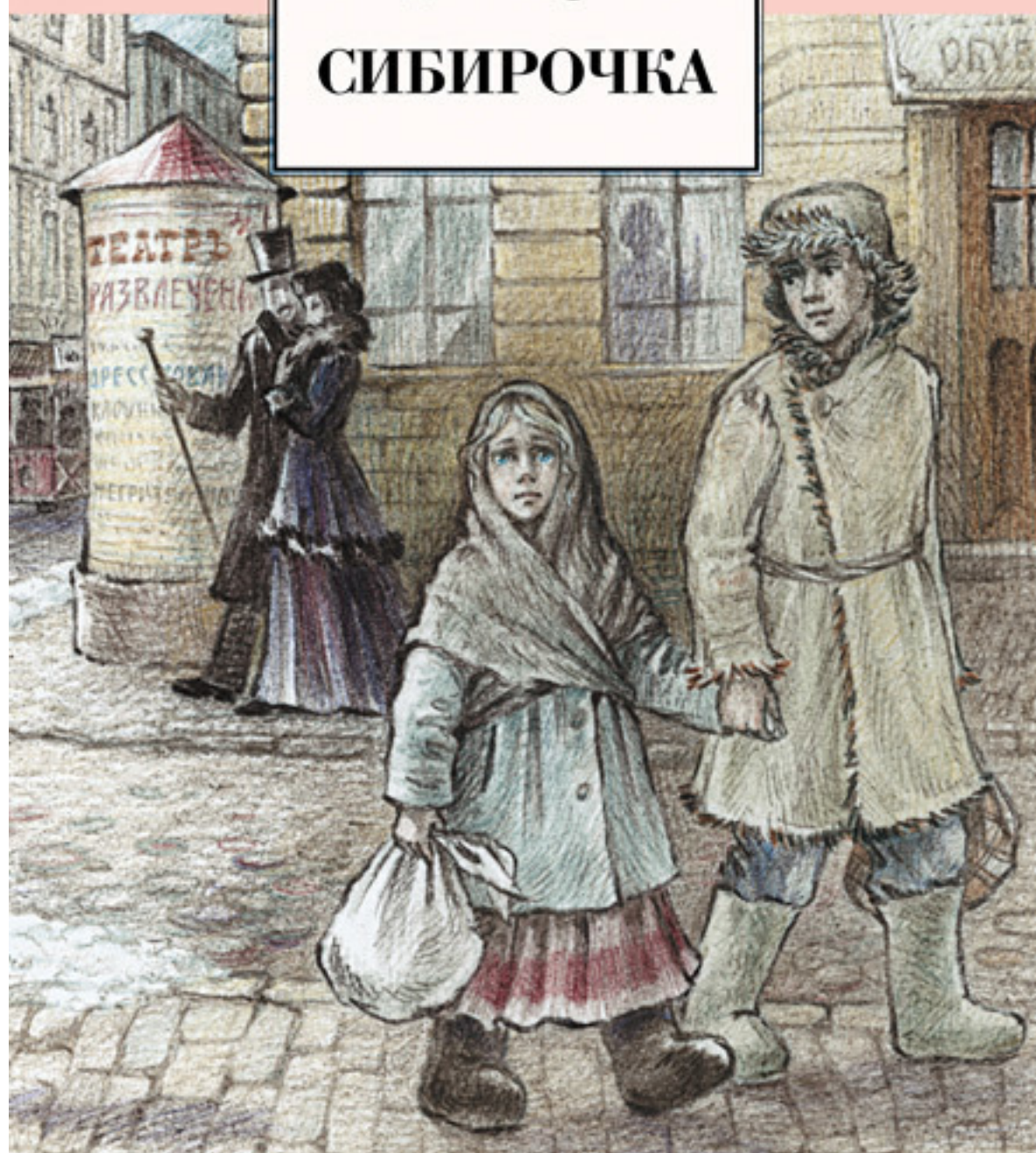

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Лидия Чарская
СИБИРОЧКА

Школьная библиотека (Детская литература)

Лидия Чарская
Сибирочка (сборник)

Издательство «Детская литература»

1910

Чарская Л. А.

Сибирочка (сборник) / Л. А. Чарская — Издательство «Детская литература», 1910 — (Школьная библиотека (Детская литература))

В книгу Л. Чарской, самой популярной детской писательницы начала XX века, вошли две повести: «Сибирочка» и «Записки маленькой гимназистки». В первой рассказывается о приключениях маленькой девочки, оставшейся без родителей в сибирской тайге. Во второй речь идет о судьбе сироты, оказавшейся в семье богатых родственников и сумевшей своей добротой и чистосердечностью завоевать расположение окружающих. Для среднего школьного возраста.

© Чарская Л. А., 1910
© Издательство «Детская
литература», 1910

Содержание

Тайна Лидии Чарской	6
Сибирочка	9
Вместо вступления	10
Часть I	14
Глава I	14
Глава II	17
Глава III	19
Глава IV	20
Глава V	21
Глава VI	22
Глава VII	24
Глава VIII	27
Глава IX	31
Глава X	32
Глава XI	33
Глава XII	35
Глава XIII	36
Глава XIV	38
Глава XV	42
Часть II	44
Глава I	44
Глава II	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Лидия Алексеевна Чарская
Сибирочка. Записки
маленькой гимназистки
Повести

Лидия Чарская
1875 - 1937

Тайна Лидии Чарской

Взрослые нередко с недоумением спрашивают: почему дети с таким увлечением читают книги Лидии Чарской? А впервые этот вопрос возник примерно сто лет назад, когда никому доселе не известная писательница стала вдруг очень популярной среди гимназисток – и гимназистов тоже, хотя они это и скрывали, заявляя, что книги Лидии Чарской – только для глупых девочек.

В начале XX века повести Лидии Чарской обычно публиковались в детском журнале «Задуманное слово», а его выписывали во многих русских интеллигентных семьях. Кстати, своей популярностью журнал был в немалой степени обязан этой писательнице. Однако именно за сотрудничество с ней его стали бранить. В газетах печатались исполненные иронии критические статьи против Лидии Чарской. Ее ругали за неправдоподобных героев и преувеличенные переживания, неестественных героинь, вечно рыдающих и впадающих в истерику. Смешным и претенциозным выглядел, на взгляд критиков, литературный псевдоним «Чарская», взятый Лидией Алексеевной Чуриловой, актрисой петербургского Александринского театра.

Однако, несмотря на разъяснения умных взрослых, дети упрямо продолжали читать Лидию Чарскую. Правда, потом, взрослея, как-то внезапно утрачивали интерес к писательнице, еще недавно столь горячо любимой, и больше к ее книгам не возвращались.

Казалось бы, Чарскую могло ожидать забвение уже в первом десятилетии XX века, когда ее горячие поклонники подросли и, что вполне естественно, разочаровались в ней.

Но случилось непредвиденное...

Следующее поколение юных читателей тоже попадает под очарование Лидии Чарской. И после революции Чарскую не перестают читать. Советские школьники передавали из рук в руки комплекты «Задуманного слова» и книги с дореволюционным шрифтом. Их тоже что-то притягивало в старомодных переживаниях гимназисток и воспитанниц институтов благородных девиц, хотя вокруг шла уже совсем другая жизнь, про которую для детей были написаны новые увлекательные книги. Конечно, эти книги заняли главное место в тогдашнем детском чтении. И все же... Какой-то тайный уголок оставался в детских душах для Лидии Чарской.

Почему же все-таки не пропал интерес к ней? В чем ее тайна?

О Лидии Алексеевне Чуриловой, урожденной Вороновой, сохранилось немного сведений. Даты жизни пишутся приблизительно: родилась в 1875 или 1876 году, умерла в 1937 или 1938 году. Училась она в Павловском институте в Петербурге. В юности писала стихи, а все годы учения прилежно вела дневник, который потом ей пригодился в работе над книгами. Что же касается псевдонима «Чарская», то он был взят из «Египетских ночей» Пушкина, там главный герой носит эту фамилию.

Героини Лидии Чарской – девочки со стойкими характерами. В них угадывается женский идеал писательницы: сочетания мягкости и упорства, доверчивости и проницательности, умения понять суть человека, разглядеть его добрую основу.

Одна из повестей нашей книги, «Записки маленькой гимназистки», – это история осиротевшей девочки, оказавшейся в доме богатых родственников и столкнувшейся с их презрением и недоброжелательством. К тому же Лена, несмотря на их возмущение, навещает семью простого железнодорожного кондуктора и даже приглашает его дочь Нюру в дядюшкин дом на елку.

Отношение к бедным в книгах Лидии Чарской – главное мерило человеческого достоинства. И это действительно было в традициях дореволюционной русской интеллигенции. Обратите внимание, что в «Записках маленькой гимназистки» такие благородные качества про-

являет юная графиня Анна Симолинь. Она и Лену берет в гимназии под защиту, и Нюру обласкала, появившись очень вовремя на детском празднике в доме родственников Лены.

В своих произведениях Лидия Чарская учит детей составлять мнения о человеке по его душевным качествам, а не по тому, богат он или беден. Такие уроки стали особенно актуальными в наши дни.

Другое очень важное для Чарской качество – умение терпеть несправедливости и непреклонная вера в то, что рано или поздно злые силы потерпят поражение, а добро победит. Именно так складывается судьба маленькой гимназистки. Сначала на ее сторону переходит самый младший в дядюшкиной семье, Толя, потом исправляется горбунья Жюли, которая была злючкой только из-за своего уродства. В конце концов, когда Лена решает остаться у дядюшки и с благодарностью отказывается от предложения графини Анны, даже черствая тетя Нелли испытывает чувство раскаяния. «Я и не думала, что Елена такой чудный, благородный ребенок», – говорит тетя Нелли. Однако вот тут, где речь идет о взрослых людях, юные читатели могут и не поверить в столь стремительное перерождение.

Скорей всего, и в дальнейшем у Лены не обойдется без неприятностей. Но теперь появилась уверенность, что маленькая гимназистка не пропадет, выдержит любые испытания. Чарская неплохо знала своих читателей – все ее повести своей безыскусностью подталкивают их дофантазировать дальнейшие приключениялюбившихся героев.

Вспоминая свои детские впечатления от «Записок маленькой гимназистки», поделюсь с современными читателями и таким наблюдением. Повести Лидии Чарской с первых страниц словно бы приглашают тебя к размышлению: а как бы ты поступила на месте Лены? Предлагают пойти, как Лена, первый раз в петербургскую гимназию, оказаться в окружении незнакомых девочек, подвергнуться насмешкам... В России многое переменялось за сто лет, прошедших после появления первых книг Лидии Чарской. Но так ли уж сильно переменялись за это время детские характеры, детские конфликты, школьные обычаи?

Ответ на эти вопросы, очевидно, смогут дать только современные читатели Лидии Чарской. Но вот смогут ли они вообразить себя на месте Шуры и Андрюши из повести «Сибирочка»? Шуре, которую все зовут Сибирочкой, выпали на долю невероятные испытания. Но не правда ли, с самого начала, с того эпизода, как беспомощного младенца привязывают к дереву, чтобы спасти от волков, читатель догадывается, что девочка не погибнет, ее спасут. И потом, к примеру, при встречах Сибирочки с отпетым негодяем, по прозвищу Зуб, читателя не оставляет надежда на счастливый финал приключений героини. Ей и в самом деле достается счастье полной мерой. Однако не как выигрыш в лотерею. Свое счастье Сибирочка получает за стойкость, за верность друзьям, за доброту. Во всех книгах Лидии Чарской заметна воспитательная, нравоучительная цель.

Сама писательница в Сибири никогда не бывала и могла знать про тамошнюю жизнь только из книг. В ее повести «Сибирочка» отразилось сложившееся в России уважительное представление о сибиряках как о людях, закаленных суровым климатом, мужественных и трудолюбивых.

Но вот что было ново для первых читателей этой повести: в круг друзей и заступников Сибирочки Чарская включила и представителя одной из сибирских народностей – остяка Нымзу (остяками в прежнее время называли хантов, жителей нынешнего Ханты-Мансийского автономного округа).

В Сибири – остяк Нымза, в Петербурге Сибирочке на помощь приходит в трудную минуту негритянка Элла, с которой девочка познакомилась в цирке. Вряд ли Лидия Чарская имела реальное представление о живущих в Сибири остяках или о неграх из цирка. Она стремилась показать русским детям, как надо по-доброму относиться к человеку другой национальности.

Как известно, русские дети всегда отличались особой любовью к чтению. И добавлю, *умели* читать, то есть умели извлекать из прочитанного что-то свое, им близкое и понятное. Современному юному читателю полезно будет знать, что в России первые журналы для детей начали выходить еще в XVIII веке. И великий Пушкин высоко оценивал творчество детской писательницы XIX века Александры Ишимовой, ее рассказы из русской истории. Уже тогда русская литературная критика не считала детскую книгу чем-то второстепенным. «Детские книги пишутся для воспитания, а воспитание – великое дело: им решается участь человека», – утверждал В. Г. Белинский.

В русских образованных семьях имелись прекрасные домашние библиотеки, и дети с малых лет привыкали к самостоятельным поискам на книжных полках. В детском чтении в России, как правило, оказывались и специально изданные для ребят книги с картинками, и все богатство русской и мировой классики. Не редкость, что лет в 11–13 мальчики и девочки уже читали «Войну и мир» Льва Толстого... И несмотря на этот ранний читательский опыт, на эти широкие возможности самостоятельного выбора книг, Лидия Чарская была востребована.

Признаюсь, в детстве и я читала Чарскую, а позже смеялась над теми, кто ее читает. В том-то и дело, что эту писательницу надо читать очень и очень вовремя, в свой срок, не раньше и не позже. И поверьте, годы спустя вы, уже будучи взрослыми, станете вспоминать о Лидии Чарской с теплым благодарным чувством, хотя, быть может, не без некоторого смущения. Как это уже было проверено многими поколениями ее читателей.

Ирина Стрелкова

Сибирочка

Вместо вступления Что было девять лет назад

– Волки! Волки! Спасайтесь! – Этот отчаянный крик вырвался из груди ямщика, сидевшего на козлах больших крытых саней и правившего парой быстрых лошадок.

И ямщик задергал вожжами, стараясь изо всех сил принудить коней бежать возможно скорее.

Была ночь, выл ветер, метелица плясала в лесу, наметая целые горы снега. Луна чуть светила сквозь эту движущуюся пелену.

Из саней высунулась голова господина, одетого в высокую соболью шапку и теплую шубу.

– Волки! – испуганно произнес он. – Где? Может быть, далеко? – И тотчас же с легким криком ужаса отпрянул назад в возок: несколько десятков огней с бешеной быстротой подвигались к саням.

Господин сразу догадался, что это были глаза волков. Они сверкали, как яркие фонари. Их было много-много.

Господин побледнел и дрожащим голосом обратился к сидящей подле него пожилой женщине, укутанной в теплые платки поверх широкой лисьей шубы:

– Няня! Опасность очень велика... – ронял он трепещущими губами. – На нас нападают волки... У меня нет оружия с собою, чтобы отбиваться от них... На спасенье надежды почти нет... Надо спасти, по крайней мере, ребенка... Во что бы то ни стало спасти! Не умирать же вместе с нами ни в чем не повинной крошке!.. Дайте мне мою дорогую!.. Я закутаю ее хорошенько и постараюсь как-нибудь укрыть ее от хищников... На коней надежды мало... Им не уйти от врага... Во всяком случае, мы поедем одни... Авось удастся нам добраться до какого-нибудь жилья... Но ребенка я не хочу подвергать этой опасности... Попытаюсь спасти его более верным способом...

Тут голос путника оборвался. Он схватил из рук рыдающей няньки закутанную в мех малюсенькую девочку и быстро выскочил из саней со своей легкой ношей. Близ дороги росло дерево. К нему-то и подошел путник с ребенком, сбросил с себя шубу, завернул в нее малютку, безмятежно спавшую крепким детским сном, снял широкий кожаный пояс, подпоясывавший его теплую оленью куртку, благословил, нежно поцеловал ребенка и привязал его к дереву при помощи ремня, который и обвил вокруг ствола дуба.

– Если мне суждено спастись, я вернусь с рассветом сюда за тобою, моя крошечка, – произнес он потрясенным голосом. – Если же я стану добычей хищных волков, добрые люди, проезжая утром по этой дороге, найдут и приютят тебя. Во всяком случае, до тебя волки не доберутся. Господь с тобою! Прощай, моя крошка! В руки Бога передаю тебя!

Спустя минуту он стоял уже опять у саней. Женщина, оставшаяся там, рыдала навзрыд и громко молилась. Ямщик сурово молчал. Кони бились и храпели, чуя смертельную опасность.

Все понимали отлично, и люди, и животные, что от волков им не было спасенья... А те между тем все приближались и приближались с горящими, как фонари, глазами, уже издали щелкая зубами, как бы предвкушая заранее победу над обреченными смерти людьми.

Лошади бросились было вперед, но снежные сугробы, метель и вихрь мешали их бегу. Пронзительно и страшно прозвучал над лесом протяжный волчий вой... Звери оцепили сани, подвигавшиеся убийственно медленно по наметенным сугробам снега, и вдруг ринулись всею стаею на коней...

* * *

Начинало уже светать, когда в лесу прогремел выстрел. За ним прозвучал другой, третий...

Это с десятков крестьян-охотников, услыша далеко за лесом волчий вой и крики погибающих, спешили к ним на помощь. Волки, почуя приближающихся к ним вооруженных людей, мгновенно разбежались.

Охотники поспешили к месту нападения и увидели ужасную картину. Обе лошади были съедены до костей. Ямщик и женщина со знаками жестоких укусов лежали мертвые на снегу. Немного поодаль, в стороне от них, находился со слабыми признаками жизни молодой человек в оленьей дорожной куртке и собольей шапке, съехавшей на лоб. Он тяжело дышал. Укусы волков не миновали несчастного. Из рук и ног путника ручьем лилась кровь. Он был без чувств. Охотники подняли его и понесли к себе в поселок, который отстоял версты на две от проезжей лесной дороги.

Там они привели неизвестного в чувство, подкрепили его силы вином, обмыли и забинтовали его раны.

Когда незнакомец пришел в себя, его первыми словами было:

– Моя дочь... моя девочка... Она осталась в лесу... Я привязал ее к дереву у дороги, чтобы волки не могли ее достать... Ради всего святого, найдите ее, принесите сюда. Я богат и щедро награжу вас за это.

Охотники кинулись в лес, обыскали все лесные дороги и тропинки, но нигде не могли найти ребенка. Вместо него они принесли в поселок мертвых женщину и ямщика. Дитя же исчезло из леса бесследно.

Отец исчезнувшей девочки, узнав ужасную весть о том, что его девочки не нашли, впал опять в бесчувственное состояние...

* * *

– Надо от него узнать, кто он, и известить его родных, что он лежит у нас и опасно болен, – решили охотники.

Но больной не в состоянии был отвечать на вопросы. Он бредил, метался, говорил про свою исчезнувшую девочку, но, кто он, откуда и где его родственники, от него нельзя было добиться.

Тогда охотники стали искать в карманах его платья какой-либо записки. И вот в кармане дорожной куртки больного была найдена порядочная сумма денег, его паспорт, бумаги и несколько писем его друзей. Из бумаг охотники узнали, что это был очень богатый и знатный барин. Из некоторых писем выяснилось, что он овдовел недавно и ехал из Петербурга со своей маленькой дочкой и ее кормилицей-нянькой в Сибирь к одному пригласившему его другу. Адрес этого друга и письмо от него имелись в кармане больного, и этому-то другу и написали добрые люди о том, где и в каком положении находится его товарищ.

Друг приехал через несколько дней в поселок и ухаживал за больным товарищем с нежностью родного брата. Молодость и силы взяли свое, и больной поправился настолько, что мог уехать от приютивших его людей.

Он щедро наградил своих спасителей-охотников и, с растерзанным сердцем, обыскав предварительно все окрестные селения, надеясь найти дочь, уехал, оплакивая свою малютку, которую считал погибшей.

* * *

Малютка-девочка не погибла, однако. В то самое утро, когда охотники спасли ее отца, она проснулась и, не встретя любящего лица своей няни-кормилицы, начала громко и горько плакать.

Этот плач был услышан стариком птицеловом, который расставлял в лесу силки для птиц. Старик жил исключительно на деньги, выручаемые от продажи дичи, которую и ловил силками в лесах. Он был очень удивлен, услыша детский голос посреди леса, и еще более удивился, увидя прелестного белокурого крохотного ребенка, закутанного в дорожную шубу и подвешенного к дереву на ремне.

– Ах ты крошечка ненаглядная! Сам Господь, видно, тебя на моем пути посылает! – произнес старик и, осторожно отвязав ребенка, нежно поцеловал его.

Девочка, увидя доброе, ласковое лицо чужого человека, притихла и перестала плакать. Старик стал нежно баюкать ее, и девочка вскоре опять заснула.

Старик птицелов был одинок. Его единственная дочь, с которой он проживал со смерти жены все последнее время в Сибири, вышла несколько лет тому назад замуж и уехала с мужем в Петербург. Скучно стало старику Михайлычу без дочери.

– Вот славно-то! Вторую дочку Господь мне послал. Только крошечку-то какую! – радовался Михайлыч и понес к себе свою живую находку.

В дальнем селении старый птицелов снимал маленькую избушку у зажиточного сибиряка-хозяина. Сюда-то он и принес малютку. О том, что у ребенка есть родители, которые его ищут, старик не думал. Он понял одно: что ребенка покинули, поручив его Богу и добрым людям. О нападении волков на путников он ничего не слышал, так как жил совсем в противоположной стороне от охотничьего поселка.

Придя домой, Михайлыч раскутал девочку, ища какой-нибудь записки, объясняющей ее таинственное появление в лесу. Но такой записки не находилось, и, кроме теплой дорогой мужской шубы, мехового пальтеца ребенка и красивого платья, свидетельствовавших о роскоши

и богатстве, старик Михайлыч заметил лишь на шее девочки небольшой крестик на золотой цепочке. Короткая надпись на этом крестике гласила: *«Спаси, Господи, рабу твою Александру»*. Таким образом Михайлыч узнал, как звали девочку. Но он сам прозвал ее иначе.

– Пускай уж ты Сибирочкой зваться будешь, – решил он, целуя ребенка, – потому, нашел я тебя в самой глуши Сибири. И буду я любить тебя, богоданная моя внучка Сибирочка, как родную, выращу тебя, научу грамоте и молитвам и не отдам никому-никому...

Боясь, чтобы от него не отняли его приемыша, Михайлыч в то же утро скрылся из поселка. В ближайшем городке он продал шубу, в которую был закутан ребенок, а на вырученные деньги уехал подальше, в самую глушь сибирских далеких губерний, и поселился в селении, где никто не знал ни его самого, ни его приемной внучки.

Часть I В глуши Сибири

Глава I Дедушка и внучка

– Холодно, дедушка, холодно!

И маленькая девочка лет девяти прижалась дрожащим худеньким тельцем к высокому тощему старику, строгавшему какие-то палочки.

На маленькой девочке были надеты ветхое платье и такое же пальтишко, и не пальтишко, вернее, а старый тулупчик, едва доходивший ей до колен. Из-под платка, надетого на голову, выбивались белокурые волосы девочки, выющиеся крупными кольцами вокруг бледного худенького личика с большими ясными синими глазами.

– Холодно, дедушка, холодно! – еще раз проговорила девочка и еще теснее прижалась к деду.

Старик был очень худ и высок ростом. Желтая, как воск, кожа морщинилась на его высохшем лице. Выцветшие от старости глаза были тусклы. Какой-то убогий, порывевший от времени полушубок покрывал его высохшее старческое тело. В небольшой тесной избе-чулане, где находились старик и девочка, было холодно, темно и неудобно. Единственное окошко, занесенное снегом, давало мало света. К тому же проказник мороз прихотливо разрисовал его узорами; окно все заледенело и вследствие этого еще менее пропускало света в чулан. Кроме черного стола и печки, которую Бог знает как давно не топили как следует, да охапки соломы, брошенной в угол и беспорядочно прикрытой каким-то тряпьем, в чулане ничего не было.

Дедушка и внучка сидели, тесно прижавшись друг к другу, дрожа от холода. Дедушка поминутно кашлял, хватаясь за грудь, и так тяжело дышал, что девочке иногда казалось, вот-вот он сейчас задохнется.

А за оконцем чулана между тем бушевал ветер и метелица кружила хлопья снега вдоль улицы небольшого селения.

У-у-у! – пронзительно завывал ветер.

У-у-у! – вторила ему зловещим голосом метель.

От этих страшных завываний дрожала крошечная темная избушка, дрожала белокурая девочка и, казалось, сильнее кашлял высокий худой старик.

– Дедушка! Если бы затопить печурку? – вдруг нерешительным, робким голосом осведомилась девочка.

– Хворосту больше нету, Сибирочка. Весь намедни хворост-то вышел. И еда, и хворост... Больше ничего у нас нет.

И, говоря это, старик закашлялся так сильно, что девочке стало страшно за него. Потом он ближе, теснее прижал ребенка к себе и, расстегнув полушубок, прикрыл его полою своей теплой одежды. Минуты две оба молчали. Дедушка строгал свои палочки, девочка зябко куталась в полу его меховой одежды.

А холод делался все чувствительнее. Стужа делала свое дело, и в маленьком чуланчике почти невозможно было сидеть.

Дедушка давно понял это и решился действовать, несмотря на стужу и метель.

– Слушай, Сибирочка, я пойду в лес. Наберу хворосту, да, кстати, и силки посмотрю, не попался ли в них какой-нибудь шустрый зайчишка. Вот-то пир мы тогда зададим с тобою! А? – проговорил он, сияясь улыбнуться. – Ведь ты, чай, проголодалась, моя девчурка? Чай, кушать-то тебе хочется?

– Хочется, дедушка, – прошептала конфузливо девочка.

– Ну вот! Ну вот и отлично, – засуетился старик, – пойду в лес... Посмотрю силки... Найду в них зверька или птичку... И хворосту наберу... Печку затопим... Дичь зажарим... То-то будет славно, Сибирочка!

И, суетясь и покашливая, дедушка дрожащими руками снял с гвоздя какую-то рваную шубейку, нацепил ее на себя, накрыл голову старой бараньей шапкой и, перекрестив и поцеловав Сибирочку, открыл было дверь избушки или, вернее, своего чулана, стоявшего на самом краю поселка.

Метель, стужа и ветер – все это разом ворвалось с улицы в избушку. Сибирочка вздрогнула всем телом и от холода, и от страха. Ей почему-то особенно жутко было оставаться сегодня одной. Она соскочила со своего места, бросилась следом за стариком и, схватив его за руку, зашептала:

– Не оставляй меня одну, не оставляй, дедушка! Мне так страшно одной! Возьми меня с собою! – и все сильнее и сильнее сжимала пальцы дедушкиной руки.

– Да ведь замерзнешь в лесу, глупышка, – произнес старик, – ведь стужа-то, гляди, эн какая!

– Ничего, дедушка! Ничего, миленький! Я валенки надену и платок большой! – молила старика девочка.

Валенки и платок были единственным богатством Сибирочки.

Старик колебался немного. Очень уж холодно было на дворе. Но, встретивши жалобно-грустный взор синих глазенок, он махнул рукою и сказал:

– Ин, ладно, пойдем, большеглазая! Быть по-твоему. Оденься платком только поладнее да валенки напяль.

Сибирочка даже подпрыгнула от радости. Спешно укутавшись, она за руку с дедом вышла из избушки.

Глава II

Под свист ветра и песнь метели. – Неожиданное горе

В избушке-чулане, оказалось, было куда темнее, нежели на улице. Короткий зимний день еще далеко не погасал, когда старый Михайлыч вместе с внучкой, миновав опушку, углубились в чащу леса, отстоявшего в какой-нибудь версте от селения.

Это был огромный густой лес, или тайга, как называют такие леса в Сибири. Деревья, как огромные великаны, сторожили здесь свои владения. Здесь были и дубы, и клены, и столетние кедры. Они росли так близко друг к другу, что образовывали одну непроходимую сплошную стену своими широкими огромными стволами.

Через эту стену трудно, почти невозможно было пройти непривычному человеку. Но старый Михайлыч, долгое время проживший в Сибири, вблизи такой непроходимой тайги, отлично, как свои пять пальцев, знал все ходы и выходы из нее.

Дедушка жил и питался за счет этой тайги. Он расставлял силки и капканы и попадавших в них лесных зверей и птиц частью продавал в ближайшем городе на ярмарке, частью оставлял для себя и внучки. Он сам устраивал капканы и силки, сам строгал для них палочки и плел веревки длинными зимними днями и вечерами, когда пурга и стужа не позволяли ему выйти на промысел в лес. Работая таким образом, он не забывал и своей маленькой внучки. Он выучил читать и писать малютку, выучил ее считать немного, выучил молитвам да священной истории – словом, всему тому, что знал сам. Их жизнь текла тихо и мирно долгое время, до тех пор, пока однажды старик Михайлыч не простудился на охоте и не слег в постель. Он проболел долго и, не поправившись окончательно, с жесточайшим кашлем стал выходить снова на промысел.

С этого дня болезнь с ужасной силой и быстротой стала подтачивать железное здоровье старика птицелова. Он кашлял и задыхался, чувствуя сильнейшую боль в груди, особенно в те дни, когда приходилось выходить на промысел в тяжелую ненастную погоду. Сегодня была такая именно непогода. Но оставаться долее в избушке без еды и топлива дедушка считал более невозможным ради своей любимицы.

– Авось поутихнет метелица! – вслух говорил Михайлыч, углубляясь все дальше и дальше в лес.

Метелица действительно утихла мало-помалу, но зато мороз с каждым часом крепчал все больше и больше. Сибирочка все сильнее и сильнее дрожала под своим теплым платком, который, однако, отнюдь не грел ее заочевшие члены. Уже дедушка раскаивался в том, что взял внучку с собою. Чтобы добраться до того места, где были расставлены силки, приходилось идти по узкой, протоптанной путниками дорожке, на которую метелица намела немало снегу. В лесу начинало темнеть. Ноги вязли в снегу, ветер и стужа забирались под ветхие одежки и немилосердно щипали тело. Но возвращаться назад без дичи и хвороста было немыслимо. В холодной избушке ведь не осталось ни еды, ни топлива...

С трудом передвигая ноги, они доплелись до того места, где дедушка имел обыкновение расставлять силки. Увы! Они были пусты. Ни одна лесная птица не попала в ловушку. Должно быть, непогода напугала и ее. То же было и с капканами. Лесные зверьки, очевидно, попрятались по своим норкам от стужи и метели.

– Делать нечего, давай собирать хворост, Сибирочка, – произнес уныло дедушка, со всех сторон осмотрев пустые капканы и силки. – Не везет нам с тобою нынче... – с тяжелым вздохом заключил старик и тут же принялся за трудную работу.

Сибирочка бросилась помогать ему. Ее маленькие ручонки проворно хватали сухие ветки валежника и старые сучья, валявшиеся там и сям на сугробах. Увлеченная своей работой, наклоняясь поминутно, разогреваясь от частого и быстрого движения, Сибирочка разом повеселела. К тому же у нее была своя маленькая тайна, которая радовала ее: утром от завтрака ей удалось спрятать для дедушки порядочную краюшку хлеба, которой она и решила угостить бедного больного старика перед тем, как ложиться спать.

«А дедушка-то и не знает, не подозревает, что у нас есть чем поужинать!» – радовалась Сибирочка и еще усерднее принималась за работу.

Вдруг тяжелый стон достиг ее слуха. Сибирочка вздрогнула и обернулась в ту сторону, где она оставила своего спутника.

Тяжелое зрелище представилось ее глазам: дедушка уже не собирал хворост, а, как-то странно согнувшись, сидел, прислонясь к стволу старого дуба. Он был очень бледен, кашлял и задыхался, а изо рта его лилась тонкая струя крови.

– Дедушка, милый дедушка! – вне себя вскричала девочка и со всех ног бросилась к старику.

Старик птицелов хотел сказать что-то и не мог. Он протянул вперед руки навстречу Сибирочке и замер, глядя на нее печальными глазами. Девочка схватила дедушкины руки и с плачем упала к его ногам.

– Дедушка! Милый! Дорогой дедушка! – лепетала Сибирочка, не зная, что сделать, что предпринять.

– Сибирочка... деточка... – слышалось хриплым стоном из груди дедушки, – плохо мне... умираю я... бедняжка моя... родименькая... одна ты сиротинкой останешься... Господь призывает к себе твоего больного дедушку... Но Господь тебя не оставит... Помни одно, Сибирочка... как только я умру, сейчас же к дочке моей, к Аннушке, в Питер-город отправься... Добрые люди помогут... Адрес ты знаешь, я тебе не раз говорил... Христовым именем как-нибудь проберешься туда... Аннушка тебя не оставит... Я ей часто писал о тебе...

Старик замолк на минуту, потом, подняв затуманенные глаза к небу, произнес громко:

– Господи, помилуй сироту! Не оставь ее, Господи... Прощай, Сибирочка! Прощай, желанная, умираю я... Душно мне... немоготу... – почти захлебываясь, все тише и тише лепетал старик и все ниже и ниже склонялся на сугроб, бледный, с тускнеющими, широко раскрытыми глазами.

Сибирочка была вне себя от горя и испуга. Она целовала холодеющие руки дедушки, поддерживала его голову, прижималась к нему, стараясь согреть умирающего своим тоненьким, худеньким тельцем.

И дедушка в последний миг своей жизни почувствовал это. Его тускнеющие глаза широко раскрылись, слабые старческие пальцы легонько пожали маленькую ручку Сибирочки, и, глубоко вздохнув, дедушка повалился на снег.

Громко рыдая, Сибирочка обвила шею дедушки своими слабыми ручками...

Глава III

Сибирочка хочет спасти дедушку

Прошло немало времени, ночь уже спустилась на землю, когда Сибирочка пришла в себя. Ее бледное худенькое личико еще больше осунулось и побледнело. Огромные синие глаза вспухли и покраснели от слез.

Тело мертвого старика, распростертое на снегу, начало холодеть и коченеть понемногу. И сама Сибирочка заоченела и заохолодела, оставаясь около часу без движения подле своего мертвого дедушки. Мороз делался все крепче, все упорнее; под его студеную ласкую руки и ноги Сибирочки совсем онемели. Лицо и тело кололо и резало, как ножом.

Первою сознательною мыслью Сибирочки было бежать по знакомой дороге в селение, созвать людей, чтобы они пришли и унесли куда-нибудь в теплую избу ее бедного дедушку, которого Сибирочка никак не хотела считать умершим.

Она его горячо любила, хотя знала, что дедушка ей не родной дед и что нашел он ее в лесу лет девять назад привязанной на ремне к дубу. Этот рассказ часто повторял своей названной внучке старик и говорил при этом: «Ты знатная сиротка, Сибирочка, очень знатная. Нашел я тебя в шубе важной, и бельешко, и платьешко самые что ни на есть графские были. Поди, ты еще графов каких дитя!» – шутил он.

Такие шутки не трогали Сибирочку. Ей было решительно все равно, графское ли, княжеское ли она дитя-сиротка. Она знала и любила одного дедушку и боялась подумать даже о разлуке с ним. И вдруг теперь ее дедушке так худо, что он упал без чувств!.. Что с ним, с дорогим, милым? Ей казалось, что ее дедушка так сильно ослаб, что лишился сознания, но что его еще можно спасти.

– Только бы добежать до селения, а там дедушку спасут... спасут непременно!.. – решила Сибирочка и, заботливо укрыв мертвеца своим большим платком, поцеловав его холодную щеку, она в одном рваном тулупчике, вся исципанная стужей и морозом, кинулась бежать со всех ног по тайге.

Злая ночь сыграла скверную шутку над бедной маленькой девочкой. Она укутала такую темнотою тайгу, что ни зги не стало видно.

Сибирочка уже не бежала, а плелась теперь кое-как наудачу. Заоченевшие ножонки едва несли ее.

– Скоро, скоро дойду до опушки, а там и до селения рукой подать, – подбодряла сама себя девочка, с невольным страхом впиваясь глазами в обступившую ее со всех сторон тьму.

Она не заметила даже, что в темноте она ошиблась тропой и, вместо того чтобы идти к опушке, свернула в сторону от нее и теперь удалялась в глубь тайги все дальше и дальше, в глухой зеленый лес.

Все труднее и труднее становилось идти Сибирочке. Она едва плелась, переступая ногами в высоком снегу и путаясь по колени в сугробах. Но она все еще надеялась, все верила, что тропинка, ведущая на опушку, находится где-то здесь, поблизости, и что стоит ей только напрямч силенки, и она выберется из нее.

Внезапно близко-близко, в нескольких шагах от девочки, зашуршало что-то...

«Медведь!» – вихрем пронеслось в мыслях Сибирочки, и она рванулась в сторону, но зацепила ногой за корень дерева и полетела прямо в холодный снежный сугроб.

Глава IV

Четыре мохнатых зверя

Сибирочка лежала едва дыша, не будучи в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой.

Совсем близко, почти рядом с нею, копошилось что-то мохнатое и большое, хрустело тяжелыми ногами по сучьям и ветвям деревьев.

Один сплошной ужас наполнил душу Сибирочки.

– Медведь, непременно медведь! – повторяла тихо девочка, наблюдая, как какое-то огромное чудовище приближалось к ней.

Луна выплыла из-за облаков, и при ее бледном свете Сибирочка, к ужасу своему, разглядела не одно, а несколько чудовищ, которые как будто подкрадывались к ней с четырех сторон. Крик ужаса сорвался с губ Сибирочки и замер вдали. Она закрыла лицо руками, чтобы не видеть надвигавшейся к ней с каждой минутой смерти.

Точно озадаченные этим криком, чудовища остановились на минуту, словно выжидая.

– Ребенок здесь, в лесу! – услышала близко подле себя человеческий голос Сибирочка.

Быстро открыв лицо, Сибирочка увидела стоявшего над ней какого-то высокого, в меховом кафтане человека. Этот-то кафтан и высокая мохнатая шапка делали его очень похожим на лесного зверя, и немудрено, что испуганная насмерть Сибирочка приняла его за медведя. К нему подошли еще трое таких же мохнатых, благодаря их теплым, мехом наружу, одеждам, людей. Эти были поменьше ростом, но показались Сибирочке не менее страшными, нежели первый, при слабом лунном сиянии. Все четверо склонились над девочкой, почти потерявшей сознание в этот миг.

– Что за притча! Как так девчонка одна-одинешенька попала в лес? – произнес старший из четверых, лицо которого поражало своим жестоким, почти свирепым выражением. Космы седых волос торчали у него из-под мохнатой шапки. Всклобоченная седая же борода и масса морщин делали еще более неприветливым его и без того жестокое лицо.

Трое других людей казались много моложе. Один же был почти мальчик, лет четырнадцати на вид. У него было бледное личико, тонкие красивые черты и большие умные глаза, поражавшие сразу своим открытым и смелым выражением.

Двое других смотрели сурово и жестоко, так же, как и старший. У них, правда, лица были благообразнее, не было на них всклобоченных бород и морщин, но глаза, сверкающие из-под шапок, надвинутых чуть ли не на самые брови, отталкивали своим злобным выражением.

Старший путник, за плечами которого висело ружье, подошел к Сибирочке, нагнулся, поднял ее с сугроба и чуть живую встряхнул изо всей силы и поставил прямо перед собою.

– Кто ты, девочка, и как попала сюда? – спросил он ее хриплым голосом.

Онемевший от холода и пережитых волнений язык Сибирочки отказывался служить. Однако она собрала все свои силы и отвечала тихо, чуть слышно:

– Дедушка там на снегу остался... мой дедушка... птицелов Михайлыч, из соседнего селения... Пожалуйста, возьмите его к себе... отопрейте... Он очень болен... Ради Бога, помогите ему. Он так кашлял... а потом... упал... прямо в снег... Ах, Господи! Ведь он умрет... если... если вы не поможете ему! – И она горько заплакала, вспомнив о том, в каком положении остался на снегу ее дедушка.

– Не смей хныкать! – сурово оборвал ее сердитый старик. – Терпеть не могу, когда хнычут. Говори толком, где оставила старика.

Сибирочка, испуганная строгим окриком, начала снова пояснять. Она оставила деда близко от опушки, надо идти туда прямо, потом налево, потом направо.

– Как тут разберешь, что болтает эта девчонка! – окончательно вышел из себя старший из мужчин. – Ну, да ладно! Мы сами доберемся до старика. А ты, Андрей, – обратился он к

самому молоденькому из спутников, – возьми девочку и отведи ее в нашу лесную нору. Да смотри гляди в оба, чтобы она случайно не удрала. Девчонка может пригодиться нам в деле. Ты вишь как вырос, для сбора милостыни не годишься больше. Такому большому дурню никто не будет подавать, а она как раз для этого пригодится. – И старик угрюмо взглянул на черноглазого мальчика, который смело выдержал его взгляд.

Черноглазый мальчик взял за руку Сибирочку и тихо шепнул ей:

– Пойдем со мною!

Его глаза смотрели так ласково, а голос звучал так дружелюбно, что Сибирочке нечего было бояться его. Она доверчиво протянула ему руку и, слабо передвигая окоченевшими ножонками, поплелась за ним.

Старик и его два спутника направились в ту сторону, куда указывала им Сибирочка, где, по ее мнению, находился теперь ее больной дед.

Глава V

Молоденький благодетель. – Лесная нора

– Ты, может быть, очень устала и не можешь идти? Путь еще далек, а ты едва передвигаешь ноги. Давай я понесу тебя. Так мы доберемся скорее, – слышался над ухом Сибирочки тот же дружеский голос.

И не успела девочка ответить что-либо, как черноглазый мальчик подхватил ее на руки и понес.

– Ну, вот видишь, как хорошо теперь! Хорошо ведь тебе, не правда ли? – спрашивал он, ласково поглядывая ей в лицо своими добрыми, честными глазами.

– Очень хорошо, – согласилась девочка. – А вот если бы дедушку поскорее нашли и привели в чувство, тогда бы я была так рада, так рада! – лепетала она.

Мальчик ничего не ответил, только крепче прижал ее к своей груди и зашагал быстрее по черной тайге.

Через полчаса довольно быстрой ходьбы он, запыхавшийся и уставший, остановился и весело проговорил, спуская с рук Сибирочку:

– Ну вот мы и дома!

– Как дома? – изумленно проронила она. – Да ведь мы пришли в самую чащу тайги.

– Ну да, в самую чащу тайги. Здесь и есть лесная нора – наш дом.

Сибирочка не без страха оглянулась кругом. При слабом сиянии месяца она могла рассмотреть столетние дубы и кедры, со всех сторон тесно окружавшие крохотную полянку. На этой полянке тут и там торчали из-под снега черные пни, прикрытые сверху снежной шапкой и свидетельствовавшие о том, что здесь была когда-то совсем непроходимая глухая чаща. Почти вровень с землею, вся занесенная снегом, стояла маленькая избушка. Крепкая дубовая дверь ее находилась почти под землею. К ней спускались несколько ступеней, очевидно наскоро сколоченных из досок.

Андрей, так звали спутника Сибирочки, сунул руку в карман и вытащил из него огромный ключ и потайной фонарик. Фонарик он зажег при помощи спичек, нашедшихся также у него в кармане шубы, а ключом открыл дверь, жалобно и пронзительно заскрипевшую на ржавых петлях. Потом протянул руку Сибирочке и свел ее вниз по самодельным ступенькам. Девочка очутилась посреди небольшой, но теплой горницы с лавками вдоль стен, с грубо сколоченным столом перед этими лавками и с большой русской печью в углу.

Теплом и уютом пахло разом на иззябшую, измученную Сибирочку. После долгих мучительных скитаний и немилосердной стужи эта теплая избушка, почти врытая в землю, показалась ей чуть ли не роскошным дворцом.

Ее ноги подкашивались от слабости и усталости. Глаза ее слипались. Она едва добрела до лавки и, совсем обессиленная, упала на нее.

– Бедняжка, погоди спать немного, – проговорил ее спутник, – я дам тебе хлеба и немного мяса.

Хлеба и мяса! Об этом до сих пор не смела мечтать Сибирочка с той минуты, как увидела пустые дедушкины силки. А она была так голодна, так голодна, бедняжка!

– Вот, кушай на здоровье... Только скорее, ради Бога, а то придут наши и, чего доброго, отнимут еще! – с озабоченным видом говорил Андрей, протягивая девочке большой ломоть хлеба с куском жареной дичи.

У Сибирочки глаза разгорелись при виде лакомого съестного. Она взяла хлеб из рук мальчика и стала с жадностью есть. Но вдруг, словно вспомнив что-то, разломила свою порцию на две равные части и, передавая одну из них мальчику, пробормотала:

– Дай это дедушке, когда его приведут, он тоже голоден, бедный!

Когда все до крошки было уничтожено девочкой, она снова почувствовала убийственную усталость во всем теле. Сон сковывал отягощенные веки. Сладкая истома разлилась по всем членам. Она упала белокурой, со свесившимися с нее кудрями, головкой на стол и в тот же миг погрузилась в сладкое забытие.

Черноглазый Андрей неслышно приблизился к спящей. Он осторожно поднял ее на руки и понес в маленькую каморку-боковушку, находившуюся подле первой горницы избы.

– Бедная девочка, – прошептал он тихо, укладывая Сибирочку на пол, поверх старого тулупа, валявшегося здесь, и заботливо подпихивая ей под голову подушку в довольно-таки нечистоплотной ситцевой наволочке. – Бедная крошка, если бы ты знала, куда попала, в чье страшное гнездо забросила тебя судьба, не спала бы ты так безмятежно и крепко, бедная маленькая девочка!

Глава VI

Сладкий сон и горькое пробуждение

Сибирочка спала, и ей снились сладкие сны.

Ей чудилось, что снова стоит красное лето, сверкает и палит жаром светлый июньский денек. А в тайге так прохладно и хорошо! Тень густолиственных деревьев так славно защищает от назойливых лучей солнышка! По ветвям прыгают белки, рыженькие и пушистые обитательницы леса. Дедушка давно обещался поймать и подарить своей Сибирочке такого маленького хорошенького рыженького зверька. А кругом цветов-то, цветов сколько! Чего-чего только нет: и брусника, и кукушкины слезки, и богородичная травка пестреет...

Затихла тайга и словно улыбается ей. И дедушка улыбается тоже. Дедушка так счастлив, что сегодня хороший улов дичи. Вон сколько рябчиков и тетеревов набежало в расставленные силки. Глупенькие! Прельстились зерном, которое рассыпал для них в ловушках дедушка! Как жаль, что у дедушки нет ни ружья, ни денег, чтобы купить его, а то какой же он без ружья охотник? Впрочем, и без ружья им дичи довольно.

А солнце уже заглядывает в темную чашу, уже золотит верхушки кедров и дубов... Вон прыгает опять с ветки на ветку шалуныя белка... Вон спускается... Вот бы поймать!...

И Сибирочка кидается опрометью вдогонку за пушистым зверьком. Но что это? Белка не боится девочки, не бежит от нее... Она сама поджидает ее, и, чуть только приблизилась к ней Сибирочка – скок! – белка очутилась у нее на плече. Вскочила и впиалась неожиданно острыми зубками в тело испуганной девочки.

«У-у, сердитая белочка! Зачем ты так кусаешь плечо? – негодует Сибирочка на зверька. – Ой, пусти, больно же, больно мне!»

Но белка и ухом не ведет. Ее зубы впиваются все глубже, все сильнее в плечо Сибирочки.

– Больно, больно, – уже кричит в голос дитя, – пусти! Пусти меня!

И просыпается, вся взволнованная от своего тревожного сна. Ее плечо ноет нестерпимо, но не от укуса маленьких зубков зверька. Нет! Сильные, крепкие, как железные когти, пальцы впились в него. Страшный сердитый старик, знакомый уже Сибирочке по ночной встрече, стоит над нею и, больно схватив ее за плечо, тербит ее изо всех сил.

– Встанешь ли ты, наконец, лентяйка! Сколько времени не могу добудиться. Ишь, разоспалась, как барыня!.. Вставай сейчас! – грубо и резко звучал над нею его хриплый голос.

Как встрепанная вскочила на ноги Сибирочка, не понимая в первую минуту, где она находится и что произошло с нею. Но мало-помалу сознание вернулось к ней, она вспомнила все: и дедушку, обмершего на снегу, и страшных мохнатых людей, и все то, что приключилось с нею вчерашним днем и вечером в тайге. И ей стало разом жутко и тоскливо.

– Где мой дедушка? Куда вы дели моего дедушку? – громко плача, крикнула она.

– Молчать!.. – прогремел над нею свирепый голос. – Если ты не замолчишь сейчас же, я...

Тут глаза страшного старика так злобно сверкнули из-под нависших бровей, что Сибирочка задрожала всем телом.

Страшный же старик, видя, что девочка замерла от ужаса, несколько понизив голос, снова сказал:

– Мы все уйдем отсюда на работу, а ты изволь сготовить нам поесть. Вот там крупа и соль в горшочках... Хлеб найдешь в ящике стола. Дичи нет под рукою. Дичь будем есть завтра, а пока сваришь нам кашу, да получите смотри, не то быть тебе наказанной с первого же дня... А про дедку твоего ты забудь... Дедко твой помер... Мы его и схоронили в лесу. К дедке тебе не воротиться уже больше, как ты ни реви... Я тебя оставляю у нас в лесной норе. Ты на меня и на сыновей моих стряпать будешь, стирать, полы мыть, убирать избу нашу, а то и иначе поработаешь на нас... Глади же, чтоб ни крику, ни реву не слышно было. Да как звать-то тебя?

– Сибирочкой! – всхлипывая, прошептала девочка, которую весть о смерти деда поразила, как гром.

– Диковинно что-то! – захохотал грубым голосом старик.

– Дедушка так звал меня, – ответила девочка.

– Ну, а имя-то есть у тебя какое, христианское? – спросил опять старик.

– Имя мое Шура, только дедушка никогда меня так не называл, – еще тише роняла сквозь слезы девочка.

– Ну ладно! Шурка так Шурка! Так и будем звать. Ну, так помни же, Шурка, чтобы, как солнышко поднялось, значит, была бы у меня каша да щи разогреты, вот в том котелке! Да чтобы слез не было, а не то живо плеткой осушу!.. Эй, сынки, марш на работу, нечего вам лежебочничать, не праздник сегодня! – приоткрыв дверь из боковушки в горницу, крикнул старик, обращаясь к сыновьям.

– Идем, батюшка! – отозвались сильные голоса оттуда.

И оба парня, которых Сибирочка при тусклом свете маленькой керосиновой лампы могла теперь разглядеть вполне, появились на пороге.

– Хорошенькая девочка, – произнес старший из них, коренастый и сильный, но некрасивый юноша лет двадцати семи.

– Такая-то много милостыни насбирает. Больно жалостлив народ к таким смазливеньким ребяткам, – подхватил его брат, такой же рыжий, весноватый, некрасивый, как и первый, только годом или двумя помоложе его.

– Ну, вот и пошлем, когда малость пообвыкнет с нами! Все же заработок лишний... Не даром же хлебом кормить эту дармоедку, – вставил свое замечание старик.

И все трое, переговариваясь и пересмеиваясь между собою, вышли из землянки, плотно закрыли за собою двери и два раза повернули за собою ключ в замке.

Сибирочка осталась одна-одинешенька в чужой и жуткой ей обстановке. Но ни страха, ни ужаса не было теперь в ее душе. Ее бедное маленькое сердце замирало от горя. Только сейчас она убедилась, поняла вполне, что ее дедушка умер, что его уже зарыли в могилку и что никогда, никогда не увидит она больше своего доброго старичка...

Слезы брызнули из ее глаз, и она глухо зарыдала, упав на лавку.

Глава VII

Голос из-под земли. – Тайна раскрывается

Долго плакала Сибирочка. Потом ее слезы стали стихать. Горе, вырвавшееся наружу, было слишком велико, чтобы было можно выплакать его слезами. К тому же девочка вспомнила вовремя, что ее дедушка не раз наказывал ей не плакать о нем после его смерти, а то ему было бы больно видеть горе Сибирочки оттуда, с небес, куда Бог взял теперь успокоившуюся душу старика.

– Лучше помолюсь за моего голубчика деду... Помолюсь Боженьке, чтобы Он помог мне поскорее соединиться с ним! – решила Сибирочка и, заметив крошечный образок в переднем углу землянки, быстро опустилась на колени перед ним. – Господи! Боженька! Добрый, ласковый Боженька, – шептала она, – возьми меня к себе тоже!.. Возьми, как деду! Не оставляй меня здесь одну со злым стариком и его детьми! Добрый, ласковый Боженька, пожалуйста, сделай так, чтобы я умерла и поскорее увидела дедушку у Тебя на небе!.. Пожалуйста, Боженька, миленький, дорогой!

Сибирочка молилась горячо. Слезы капали у нее из глаз, скатывались вниз и уходили в земляной пол избушки.

После молитвы она почувствовала себя много лучше и бодрее. Девочка уже не сомневалась, что Господь услышит ее просьбу и возьмет ее, как дедушку, на небо скоро-скоро...

Бодро поднялась она с коленей и принялась за работу. Работа не могла испугать девочку, которая привыкла хозяйничать в избушке деда. Прежде всего надо было растопить печь. Хворост лежал в углу темных маленьких сеней, которые она разглядела еще вчера ночью. Сибирочка храбро вступила в маленькие сени, широко раскрыв дверь землянки, и замерла от неожиданности и страха на пороге их.

Прямо из-под пола, из-под ног девочки, послышался стон, тихий и протяжный.

Стон прозвучал раз... другой... третий... Следом затем еще и еще...

Сибирочка, бледная как смерть, словно приросла к месту, боясь пошевелиться.

Опять простонал кто-то, еще внятнее на этот раз. Теперь уже Сибирочка не сомневалась больше: кто-то находится под ее ногами, под полом сеней. Голос выходил оттуда. Это был тихий, чуть слышный, жалобный голос, который точно молил о пощаде. Сибирочка, вся дрожа, бледная и взволнованная, кинулась обратно в землянку, схватила жестяную лампочку, горевшую там, и вернулась с нею обратно. Высоко подняв лампу над головой, она осветила сени. Прямо у ее ног находился четырехугольный квадрат из досок, как бы врытый в землю. Сибирочка нагнулась над этим дощатым квадратом и увидела приделанное к нему кольцо. Она схватилась за это кольцо своей слабой ручонкой и потянула его на себя изо всех сил. Неожиданно четырехугольный дощатый квадрат подался кверху, как крышка с ящика, образуя сбоку темное отверстие вниз.

В ту же минуту стоны раздались слышнее, и, прежде чем Сибирочка могла сообразить что-либо, перед ней откуда-то снизу появилось бледное лицо и большие впалые глаза, смотревшие на нее страдальческим взглядом.

Она узнала сразу и это лицо, и эти глаза.

Перед ней был тот самый мальчик Андрей, который так заботливо отнесся к ней вчера ночью и которого она искала и не нашла сегодня утром в лесной норе.

– Ты ли это? Что с тобою? Почему ты стонешь, Андрюша? – с испугом и волнением спрашивала она его.

– Ах, они избили меня... за то... что я не позволил им сделать одно злое дело, – проговорил глухим голосом мальчик. – Ах, девочка, если бы ты знала только, как они били меня, как мучили!.. Если бы ты знала! Они требовали, чтобы я помог им в их гнусном поступке, а я не хотел, я спорил... отговаривал их, и вот... они приколотили меня и бросили сюда... в холодный подвал... Здесь темно, как в могиле... Здесь бегают крысы по моим коленям, и у меня нет сил даже прогнать их... У меня все тело болит и ноет... Ах, если бы можно было спастись отсюда, из лесной норы! Уйти совсем или умереть! – И Андрей снова застонал тяжелым страдальческим стоном.

– Выходи же, выходи отсюда! – торопила его Сибирочка. – Я посвечу в подполье... Ах, бедный, бедный ты мой!

– Но если я выйду, они изобьют меня до полусмерти. Я не вынесу больше этой муки. Мое тело и так все в ранах и рубцах. Во рту все пересохло... и нет больше сил у меня, – произнес тем же вымученным голосом несчастный.

– Они не скоро еще вернутся, – торопливо срывалось с губ Сибирочки. – Постой, я принесу тебе воды... Ты подкрепишься немного и потом вылезешь из этой ужасной дыры...

И, говоря это, она живо вернулась в землянку, почерпнула там из кадки, приютившейся в углу, ковшом воды и подала этот ковш мальчику. Тот с жадностью схватил его и выпил до дна.

Вода действительно подбодрила Андрюшу. Он сделал над собою усилие, поднялся во весь рост, причем его бледное личико очутилось наравне с полом сеней; затем, захватив края ямы руками, поднялся на них и через минуту сидел уже на полу подле Сибирочки.

– Знаешь ли ты, – начал он сразу, без всяких объяснений и расспросов, – куда ты попала?

– Не знаю! – тихо отвечала Сибирочка и подняла на мальчика широко раскрытый, вопрошающий взгляд.

– И я не знал тоже. До сегодняшней ночи не знал. Они никогда не говорили мне, кто они и откуда пришли и зачем скрываются в тайге. Они встретили меня как-то на опушке леса года два тому назад и предложили поселиться с ними.

У меня только что умер тогда отец, оставивший меня круглым сиротою. Отец был лодочником, он перевозил людей на большой реке с берега на берег... А я учился в школе. Когда умер отец, пришлось бросить школу и идти искать работы. Вот они и предложили мне работу – сначала собирать милостыню для них по церквам в ближайших слободах и селениях да готовить им обед и чистить землянку. Такую работу еще можно было выносить, но сегодня ночью я узнал, кто они такие: они приказали мне помогать им в таком страшном деле, при одной мысли о котором можно сойти с ума... – дрожащим голосом закончил Андрюша.

– Что же они приказали тебе и кто они такие? – почти с ужасом прошептала Сибирочка, широко раскрывая свои и без того большие глаза.

– Они приказали мне, – прежним, чуть слышным шепотом продолжал Андрюша, и его тонкое личико стало совсем бледным, – они приказали мне идти с ними завтрашнюю ночь на работу...

– На какую работу? – так же тихо спросила Сибирочка.

Андрюша вздрогнул всем телом и, еще более бледнее и изменяясь в лице, проговорил чуть слышно:

– Здесь, видишь, далеко от железной дороги, очень далеко. И чтобы попасть на поезд близким путем из ближайшего имения купцов-лесопромышленников Гандуровых, надо ехать глухой тайгой. Вот они и узнали, что этой ночью сам купец Гандуров будет возвращаться с деньгами к себе в имение, и решили покончить с ним...

– Как покончить? – не поняла Сибирочка своего нового друга.

– Решили убить купца...

– Убить?!

– Да. Ведь эти люди не кто иные, как лесные бродяги, беглые каторжники, скрывшиеся из тюрьмы... Они не одного человека обворовали и убили на своем веку. Их поймали, судили и сослали сюда, в Сибирь, на каторжные работы, а они бежали в тайгу и поселились в ней... Их всюду ищут и не могут найти. Это отец с двумя сыновьями. Их зовут: старика – Иван Палец, старший его сын – по прозвищу Зуб, а младший – Косточка... Вот к каким злодеям забросила нас судьба, – дрожащим голосом закончил свой рассказ Андрияша.

– Но отчего же ты не убежал от них? – потрясенная и взволнованная его рассказом, спрашивала девочка.

– Я только этою ночью узнал, что они за люди, – продолжал Андрияша. – Я думал, что это просто лесные охотники, звероловы и птицеловы, и жил у них потому, что мне некуда было деться. А сегодня ночью, когда они нашли тебя на мое место и ты будешь на них работать, как я работал до сих пор по дому и по хозяйству, они не захотели больше скрываться от меня и решили приручить и меня к их страшной работе – грабить и убивать людей. И уже сегодня они велели мне пробраться в лесное имение купца Гандурова и узнать там хорошенько, один ли он едет домой из города и много ли денег он везет с собою и какою дорогою поедет он по лесу... Чтобы я не мог убежать или выдать их, со мною пойдет Косточка и не отступит от меня ни на шаг... Потом мы вернемся к лесной норе, а ночью... ночью...

Тут голос Андрияши прервался, и он не кончил своей фразы. Все лицо его изображало теперь одну сплошную муку ужаса. Сибирочка дрожала, как былинка, с головы до ног.

– Надо спасти несчастного купца! – шептала она, схватив за руку своего нового друга.

– Да, надо спасти! И я придумал, как это сделать! – решительным голосом подтвердил он и, помолчав немного, прибавил: – Это сделаешь ты!

– Я?! – вскричала Сибирочка изумленно.

– Ну да, ты... Ты сейчас же проберешься в селение, найдешь дом урядника и расскажешь ему все, а он отрядит людей в лес, прежде чем на купца Гандурова будет сделано нападение. Я бы мог сам пойти в поселок, но это может возбудить их подозрение. Если же убежишь ты, будет лучше. Мы разобьем окошко в землянке, и ты вылезешь через него... Но только раньше я сяду снова в подвал как ни в чем не бывало, чтобы они не подумали о том, что я послал тебя. Только тебе придется самой провести сюда урядника и его людей, потому что лесная нора так ловко спрятана в лесу, что ее трудно найти. Тебе же я дам мешок старых кедровых шишек, и от времени до времени ты будешь сажать шишки в снег, и по ним вы найдете обратную дорогу, конечно, если ночью не поднимется пурга и луна будет сиять, как и вчера, светло и ясно. Но я уверен, что так и будет, потому что дело идет о спасении человека, и Господь поможет нам, – с уверенностью в голосе произнес Андрияша.

– Да, Господь поможет нам, – подтвердила и Сибирочка, – и мне почему-то кажется, что все должно кончиться хорошо!

– Но ты должна идти, даже бежать, очень скоро... Берегись опоздать... Может быть, они убьют купца прежде, нежели ты сюда вернешься с помощью, – произнес чуть слышно мальчик.

– О! – могла только проговорить Сибирочка. – Я побегу сейчас же, и добрый Боженька да молитва покойного дедушки помогут мне...

Андрияша одобрительно кивнул ей головой.

– Вот мешок с шишками, – произнес он, протягивая девочке плотно увязанный узел. – Помни, что каждые десять шагов ты будешь сажать по одной шишке в снег. А теперь – раз, два, три! Сейчас я покончу с окошком.

И, отбежав немного, он со всего размаха вскочил на лавку и изо всей силы ударил кулаком по крошечному оконцу избы. Стекло с жалобным дзиньканьем разлетелось вдребезги. Из раненой руки Андрияши брызнула кровь, но он не обратил на это внимания.

– Теперь я спущусь в подполье и до самого их прихода не вылезу оттуда, – срывающимся голосом говорил он, – пусть думают, что я не виновен в твоём бегстве. А то, пожалуй, изменят свой план на новый, из страха быть выданными мною через тебя. Ну, с Богом. Прощай!

И он смело прыгнул в зияющую в полу яму.

– Закрой меня крышкой! – послышался через минуту его голос оттуда.

Сибирочка поспешила к нему и не без усилия исполнила желание своего нового друга. Потом, с трудом опустив над ним четырехугольную доску с кольцом, она крикнула ему «прощай!» – и, взобравшись на лавку, вылезла в оконце. Это было совсем не трудно сделать, потому что девочка была очень мала, а оконце землянки могло с успехом пропустить такую крошечную фигурку. К тому же с наружной стороны окно приходилось вровень с землею, и Сибирочка очутилась на свободе легче, нежели сама могла предполагать.

Истиво перекрестившись на небо несколько раз подряд, она бросилась бежать с возможною скоростью по узенькой, чуть заметной для глаз тропинке. Помня наказ Андрюши, девочка не забывала через каждые десять шагов втыкать по кедровой шишке в рыхлый снег, по одну сторону тропинки, не убавляя шагов. Между тем рассвет уже начинался и день всходил над тайгой. Выскочили из своих норок пушные зверьки и любопытными глазками провожали девочку.

А Сибирочка все скорее и скорее бежала вперед, дрожа от страха при одной мысли, что она может опоздать сюда обратно к ночи. Волнение и усталость давали себя знать девочке все сильнее и сильнее. Маленькие ножки подкашивались каждую минуту, грудь дышала тяжелее, сердечко неровно билось в груди. Сибирочка буквально падала от усталости.

«Что будет, если я не дойду вовремя?... Они убьют несчастного купца!» – вихрем пронеслась жуткая мысль в голове девочки, и, не обращая внимания на то, что ее ноги нестерпимо болели и ныли, она с редкой стойкостью подвигалась вперед так быстро, насколько позволяли силы.

Вот наконец мелькнул просвет в деревьях. Слава Богу, это опушка леса... Скоро конец ему... а от опушки до селения рукой подать...

– Ну еще! Ну еще! Сибирочка, подкрепись немного, и ты у цели! – ободряла сама себя девочка, и, теперь уже не обращая внимания на то, что сучья деревьев рвут ее платье и шубенку и больно царапают ее лицо, она неслась со всех ног к опушке леса.

Глава VIII

Сибирочка исполняет трудное поручение

Урядник Степан Артемьевич Алмазин собирался соснуть после дневного чая, когда ему сказали, что маленькая девочка желает говорить с ним по важному делу.

– Какая еще девочка? – недовольным голосом проворчал Алмазин и велел ввести в горницу непрошеную гостью.

– Ах, это ты, Сибирочка! – сразу узнав внучку старого птицелова, произнес он. – Что же твой дедушка? Уж не болен ли? Зачем ты пожаловала ко мне одна?

Урядник говорил очень ласково с девочкой, которую любил за ее приветливость и милость. Он часто встречал ее вместе с дедушкой и всегда хорошо относился к Михайлычу и его внучке. Теперь он очень удивился, увидя девочку одну. Все привыкли видеть старого птицелова и его внучку всегда неразлучными, вместе.

Напоминание о дедушке больно-больно резнуло исходившее горем сердце Сибирочки. Она громко зарыдала.

– О чем плачешь, девочка? Говори толком... Что с дедкой приключилось? – тотчас же спросил Степан Артемьевич, но Сибирочка рыдала навзрыд и не могла ничего ответить. Ее маленькое сердце теперь так и рвалось от тоски. Она впервые почувствовала здесь, в своем

селении, всю тяжесть своего горя. Не было больше ее дедушки, и никогда, никогда она, Сибирочка, не увидится уже с ним!

Вдруг мысль о купце, которого надо было спасти во что бы то ни стало, как молния промелькнула в ее головке. И, захлебываясь от слез, девочка тут же стала взволнованно передавать все, что случилось в течение полусуток в тайге с нею и с дедом. Как они пошли за дичью и за хворостом, как упал дедушка, как захватили ее к себе лесные бродяги и как она узнала о том страшном деле, которое затевали они.

Урядник слушал внимательно, и лицо его принимало все более и более взволнованное и озабоченное выражение. Когда же, рассказав все, Сибирочка стихла и только тихо всхлипывала о своем горе, Степан Артемьевич погладил ее по голове и ласково сказал:

– Ты хорошая девочка, Сибирочка. Ты спасла жизнь купцу Гандурову, и не только ему одному: эти беглые каторжники наделали бы еще много бед, убили бы многих людей. Мы их давно разыскиваем и никак не подозревали, что они поселились в ближайшей от нас тайге... Ты получишь награду, Сибирочка, и от начальства, и от купца Гандурова, которому ты спасла жизнь! А теперь отдохни хорошенько, чтобы проводить нас в тайгу... Подкрепи свои силы. Моя жена накормит тебя. Ты пришла как раз вовремя, потому что купец Гандуров остановился у меня, чтобы дать отдохнуть лошадям, раньше чем пуститься снова в дорогу.

И, говоря это, урядник погладил белокурую головку Сибирочки, восторгаясь смелостью малютки.

Девочка, однако, отказалась от еды. Она знала, что медлить было нельзя. Хотя теперь смертельная опасность уже не грозила купцу Гандурову, но злодеи могли догадаться, в чем дело, и жестоко избить, а может статься, и убить Андрюшу за то, что он помог намеченной ими жертве ускользнуть из их рук.

Поэтому она была не в силах есть и спать и все торопила Алмазина спешить с людьми в тайгу. Урядник и сам сознавал, что необходимо было как можно скорее поймать злодеев.

Вскоре Сибирочку позвали в гостиную Алмазина, где находился сам купец Гандуров, уже узнавший о грозившей ему опасности.

– Ты хорошая, самоотверженная девочка, – произнес он, ласково обнимая появившуюся перед ним Сибирочку, – ты избавила от большого горя мою семью, крошка, и за это я позабочусь о тебе и дам тебе денег, чтобы ты могла безбедно существовать всю свою жизнь. Ведь ты сирота?

– Да, сирота, – произнесла Сибирочка, и опять при одном намеке на то, что она одна-одинешенька осталась теперь на свете, слезы хлынули у нее из глаз.

– Не горюй, – произнес Гандуров, – я возьму тебя в дом к себе и буду заботиться о тебе, как о родной дочери.

– И об Андрюше тоже! Возьмите к себе и Андрюшу! Ведь это он научил меня спасти вас. Без него вы бы погибли наверное! – проговорила Сибирочка и стала рассказывать купцу, кто такой был Андрюша.

– Ладно, возьмем и Андрюшу, – согласился тот, – и о нем позабочусь, и ему хорошо будет. А теперь надо ехать ловить разбойников, – произнес он, поднимаясь с места, с довольной улыбкой, без тени тревоги.

Действительно, надо было спешить. В какой-нибудь час времени урядник набрал себе помощников и разделил их на два отряда. Часть хорошо вооруженных людей он усадил в тройку купца и приказал им тихонько ехать по проезжему лесному пути, а сам, взяв с собой человек десять, вместе с Гандуровым и с Сибирочкой, пустился в путь пешком к лесной норе, в самую глубь тайги.

Девочка шла впереди, указывая дорогу маленькому отряду. Месяц вышел на небо и хотя слабо, но все же освещал путь. Шишки, разбросанные Сибирочкою там и тут по снегу, указы-

вали, куда надо было идти. Дорога, по которой ехала тройка с вооруженными людьми, была недалеко. До пеших путников долетал и звон колокольчиков, и фыркание коней.

Отряд все глубже и глубже уходил в тайгу. Наконец где-то далеко блеснула маленькая точка огонька.

– Это лесная нора! – прошептала Сибирочка, и сердце ее сильно забилося.

Маленький отряд остановился. Урядник приказал людям, прячась за деревьями, медленно подвигаться к самому логовищу бродяг... Месяц как раз в это время спрятался за тучу, и в лесу стало темно, как в могиле.

Сибирочка стояла подле купца Гандурова. Сначала все было тихо. Сердце Сибирочки то билось, то замирало в груди... Она боялась теперь, чтобы вместе со злодеями не схватили по ошибке Андрюшу и не причинили бы мальчику какого-нибудь вреда. Она надумала уже было пробраться к лесной норе и поискать там мальчика и с этой целью отошла незаметно от Гандурова, около которого находилась все время, как вдруг кто-то неожиданно и сильно схватил ее за плечо.

– Это я! Я – Андрюша, – услышала она взволнованный шепот над своим ухом. – Ты сделала все-все, что я тебе говорил? – тем же тревожным шепотом осведомился он.

– Все!

– И урядник с людьми из селения здесь?

– Здесь!

Едва успела Сибирочка ответить это, как оглушительный выстрел нарушил мертвую тишину тайги. За ним другой... третий... Кто-то побежал в чащу, кто-то, тяжело хрипя, повалился на землю. И в тот же миг прозвучал в тишине громкий голос урядника:

– Держите разбойников, ребята! Держите их!

Свет фонарей, скрытых под полущубками до настоящей минуты, разом осветил лесную чащу.

Теперь Сибирочка уже ясно видела, как десяток людей окружал Ивана Пальца и его сыновей. Последние ножами и топорами всячески отбивались от хорошо вооруженных людей. Завязалась упорная борьба. Наконец старый бродяга и его младший сын окончательно выбились из сил. Продолжал бороться и защищаться один только Зуб, потом вдруг сделал ловкий прыжок и, увернувшись с быстротою кошки, бросился в чащу.

– Держи! Держи его! – кричал не своим голосом урядник, но бродяга был уже далеко. Размахивая огромным ножом и бросая проклятия и угрозы, он бежал теперь прямо на Андрюшу и Сибирочку, притаившихся за стволом огромного дуба.

– Он увидит нас! Что нам делать?! – прошептала вне себя девочка, прижимаясь к своему новому другу и как бы ища у него защиты. Но последний уже не медлил.

Бродяга бежал прямо на них, отрезав им путь к маленькому отряду.

Он уже успел заметить притаившихся за деревом детей. На минуту он остановился. По его страшному лицу проскользнула бешеная, злая улыбка. Он понял, кто донес на него, его отца и брата в селение, кто выдал их с головой и привел сюда вооруженный ружьями отряд.

– Ага, так вот ты как! – крикнул он бешено на всю тайгу и бросился на Андрюшу.

Но тот ожидал, казалось, намеченного удара. Он схватил Сибирочку за руку и в несколько скачков очутился с нею в темноте за группой огромных кедров, куда уже не проникал свет фонарей.

Здесь он быстро опустился на колени.

– Садись ко мне на спину! – произнес он, и когда Сибирочка, не медля ни минуты, исполнила его приказание, он вскочил снова на ноги и метнулся с девочкою на спине в самую чащу тайги.

Однако бродяга Зуб не отставал в погоне за ними. В темноте слышно было его тяжелое дыхание и хруст сухого валежника под его ногами. Он бежал почти по пятам детей... Только темнота ночи разделяла теперь их друг от друга... Сердце Андрюши колотилось в груди, как подстреленная птица... Упал он сейчас, и острый нож Зуба покончил бы с ним и с бедной, ни в чем не повинной Сибирочкой. Зная это, мальчик все прибавлял ходу, хотя усталые ноги болели нестерпимо, а спина мучительно ныла под тяжестью непривычной ей ноши. К тому же ветви деревьев больно хлестали его по лицу. Он бился из последних сил. А страшный Зуб все еще не отставал от маленьких беглецов. Это чувствовала Сибирочка, свернувшаяся в комочек на спине своего друга. В голове Сибирочки гнездилась теперь только одна мысль: «Пусть бежит и спасается один Андрюша, пусть бросит ее в снег... С нею все равно ему невозможно спастись... Слишком тяжело ему, бедному, бежать с такой тяжелой ношей на спине!» И, прильнув губами к уху мальчика, она зашептала ему, прерываясь на каждом слове:

– Брось меня, Андрюша... Брось... Беги один... Авось он не заметит меня... Спасайся сам, милый! Оставь меня... Я только мешаю тебе...

– Молчи! – хриплым звуком вырвалось из груди мальчика. – Вместе спасемся или умрем! – И, напрягая последние силы, он бросился как безумный вперед и в ту же минуту с глухим стоном вместе с Сибирочкой повалился на сугроб снега.

Глава IX

Ни хода, ни выхода

Что-то холодное коснулось лица Сибирочки и почти одновременно она услышала чье-то тяжелое дыхание совсем близко от себя.

Месяц скрылся за тучу, и в окружающей темноте не видно было ничего. Сибирочка протянула руку вперед и чуть не вскрикнула во весь голос: ее пальцы коснулись неподвижного лица Андрюши, по которому струилось что-то теплое и липкое, как клей.

Она вытянула другую руку и сильно ударилась о нечто твердое, как камень. Теперь девочка поняла все. В отчаянной поспешности бега Андрюша наткнулся на дерево, выросшее посреди тропинки, и, ударившись об него головой, упал, обливаясь кровью, в сугроб, в то время как преследовавший их Зуб пробежал далее.

Ужас сковал сердце Сибирочки. Что, если умер Андрюша? Что, если он, как и дедушка, не поднимется с сугроба больше никогда и она останется одна-одинешенька в этой страшной тайге, где бродят медведи и волки и где находится еще более страшный враг, взбешенный и готовый расправиться с ними своим огромным ножом бродяга! Но все страхи Сибирочки, весь ужас одиночества покрывались ее тоскою по Андрюше, которого она, несмотря на короткое знакомство, успела горячо полюбить.

В несчастиях люди сходятся скорее и ближе. Ей казалось, что она знает мальчика давно-давно... Она взяла его за руку. Рука осталась неподвижною в ее маленькой ручонке. Мальчик был без чувств. Должно быть, он сильно поранил себе голову о ствол дерева.

Тогда Сибирочка вспомнила, как дедушка лечил ее от ушиба в зимнее время. Он брал снегу и растирал им пострадавшее место. То же самое сделала со своим другом и девочка. Она схватила целые пригоршни снега и стала усердно прикладывать его к раненой голове Андрюши. Мало-помалу кровь перестала сочиться из лба, и мальчик начал проявлять кой-какие признаки жизни. С его губ сорвался первый стон, за ним другой, третий...

– Где я? Что со мною? – спросил он слабым голосом, окончательно приходя в себя.

– Андрюша, милый! Ты жив?! Жив! Слава Богу! – радостно прошептала Сибирочка, целуя и обнимая мальчика, все еще бессильно распростертого на снегу.

– Жив, только у меня сильно голова болит... Но я могу двигаться дальше, – стараясь говорить бодрым голосом, произнес он. – А где Зуб? Или его утомила погоня, и он отстал от нас?

– Нет, он пробежал мимо, теперь он находится впереди нас. Нам надо идти поскорее к лесной норе, где остались люди, а то он вернется сюда и найдет нас, – взволнованным голосом пояснила девочка. – Но ты не можешь идти, – добавила она, опасливо взглядываясь в белеющее перед нею во мраке лицо ее друга.

– О, я попытаюсь! – послышался ответ в темноте, и Андрюша сделал усилие, чтобы подняться. – Давай твою ручонку. Пойдем, держась за руки, а то мы потеряем друг друга... Видишь, какая здесь темнота, – произнес он, с трудом поднимаясь на ноги.

Сибирочка молча протянула ему руку, ощупью нашла его пальцы, и, тесно прижавшись друг к другу, дети повернули назад и пошли по тому направлению, где, как им казалось, они оставили урядника и людей.

Глава X

В пещере под снегом

– Нет, я не могу идти больше. Голова болит все сильнее... А здесь оставаться нельзя... Звать на помощь тоже нельзя. Зуб услышит и прибежит сюда разделаться с нами, прежде нежели подоспеют сюда люди, – с отчаянием в голосе произнес Андрюша и, помолчав немного, прибавил уже значительно бодрее: – Вот что я придумал: мы выроем ямку в снегу, вроде звериной норки, заползем в нее и до утра отдохнем в ней хорошенько, а утром при свете увидим, где мы находимся и как нам пройти до селения, – уже совсем бодро заключил он свою речь.

И прежде нежели Сибирочка могла одобрить его план, Андрюша уже ощупью, в темноте, принялся за работу. Яму в сугробе пришлось рыть руками, за неимением лопат. Сибирочка, как умела и могла, принялась помогать своему другу. Вскоре в рыхлом снегу появилась глубокая нора, и дети могли укрыться в ней и уснуть в ожидании утра. Они так и сделали, не медля больше ни минуты. Усталость и пережитые волнения помогли им забыться, и, прижавшись друг к другу, они уснули крепким сном в своей самодельной спальне...

* * *

Миновала ночь. Наступило утро. Проснулась и ожила старая тайга. Белочка шаловливо запрыгала по ветвям огромных дубов. Какой-то пушистый зверек высунул из дупла дерева свою острую подвижную мордочку. Где-то прозвучал вдалеке унылый крик хищной птицы.

От этого крика первый проснулся Андрей. Он вылез из своей снежной пещерки и не без изумления оглянулся кругом. В его лице отразились испуг и тревога. Он хорошо знал местность, окружавшую лесную нору. Хорошо знал прилегавшую к жилищу лесных бродяг тайгу, знал по крайней мере верст на десять кругом. Но здесь он еще не бывал ни разу. Местность казалась ему совсем незнакомой и дикой. Деревья разрослись здесь так густо кругом, что в лесу было сумрачно, как в могиле. Иногда, сплетаясь ветвями, они образовывали непроходимую стену, и только у корней их оставалось небольшое отверстие, которое можно было миновать, не иначе как только пригнувшись чуть ли не к самой земле. Невольное смущение охватило душу мальчика. Здесь, в этой непроходимой чаще, что могли поделать без крова и пищи он и вверенная его попечению самой судьбой маленькая девочка?

Андрюша подошел к самодельной пещерке и заглянул в нее. В ней, подложив худенькую ручонку под голову, безмятежным сном сладко спала Сибирочка. Белокурые волосы, выбившись из-под платка, обрамляли ее личико, белое и нежное, как фарфор.

– Бедная маленькая девочка, – прошептал Андрюша, – что ждет тебя!.. Голодная смерть в дикой тайге. Бедная маленькая девочка! Как мне жаль тебя! – Он нагнулся к спящей и крепко поцеловал ее.

Сибирочка проснулась и недоумевающе открыла свои большие синие глаза. Она с минуту не понимала ничего. Потом оглянулась кругом и сильно испугалась, увидя незнакомую местность.

– Мы заблудились! Да? – со страхом прошептала она.

Андрюша хотел ответить своей маленькой подруге, но чьи-то тяжелые шаги, раздавшиеся в эту минуту, заставили его замереть на месте. Шаги приближались с каждой минутой, делаясь все слышнее и слышнее...

– Это Зуб! – прошептала в тоске и страхе Сибирочка.

– Да! – беззвучно проронил мальчик и прижал девочку к себе, заслонил ее собою, готовый защищать ее до последней возможности своими безоружными, но сильными руками.

И оба широко раскрытыми взорами впились в чашу. Шум шагов приближался. К нему присоединился теперь хруст ломаемых ветвей и какое-то жуткое сопение.

– Это Зуб!.. Теперь он уже не даст пощады и убьет нас сию же минуту! – прошептала девочка, и ее побледневшее личико выражало теперь один неизъяснимый сплошной ужас.

Андрюша не сказал ни слова. Его грудь бурно вздымалась. Черные глаза сверкали. Он решил, что теперь им не миновать мести Зуба, но он хотел только одного: спасти во что бы то ни стало бедную маленькую девочку, доверчиво припавшую под его защиту. Он думал: «Зуб ударит меня своим ножом, я упаду навзничь на пещеру и прикрою собой Сибирочку, и он ее не увидит. Не увидит ни за что... Таким образом она будет спасена».

Между тем шаги были уже совсем близко. Кто-то с остервенением пробивал себе путь, бешено ломая сучья и ветки по дороге. Вот они затрещали неистово, раздвинулись, и огромный бурый медведь выскочил из чащи и очутился в двух шагах от онемевших от ужаса детей.

Глава XI

Неожиданность за неожиданностью

– О! – простонала Сибирочка и закрыла лицо руками.

Медведь повернул голову, увидел детей и неожиданно поднялся на задние лапы. Оглушительный рев вырвался из его могучего тела. Тут только дети увидели зиявшую рану в боку медведя и тянувшуюся по его следу на снегу кровавую полосу. Глаза зверя были налиты кровью, пасть широко раскрыта. Казалось, полученная рана привела в бешенство страшное чудовище, и, издавая страшное рычание, оно готово было уже кинуться на неожиданного и беспомощного врага. В одну минуту Андрюша сообразил, что от разъяренного лесного чудовища нет спасения.

Если смерть под ножом лесного бродяги была ужасна, то вдвое ужаснее казалась она в когтях страшного медведя.

Андрюша взглянул на Сибирочку. Она была блее снега и вся трепетала, как птичка, прижавшись к нему. Если бы у мальчика было какое-нибудь оружие, он, не задумываясь ни на минуту, кинулся бы на четвероногого врага. Но увы! Оружия не было у Андрюши – значит, не было и спасения. Он крепко обнял девочку и, прислонив ее головку к своей груди, старался заслонить ее от ужасного зверя.

Раненый медведь с тем же жутким рычанием и с налитыми кровью глазами двинулся вперед. Его дыхание и хрип, выходивший из горла, теперь обдавали головы детей... Огромные лапы с острыми когтями, выходившими из-под мохнатой шкуры, направились к ним. С диким ревом чудовище пригнулось к земле, и...

Что-то просвистело в воздухе и изо всей силы впилося в голову зверя. Дикий, оглушительный рев прорезал тишину тайги. Обливаясь кровью, медведь с шумом рухнул навзничь, обагрив алыми пятнами снег кругом себя. На месте страшного чудовища перед изумленными детьми появилось что-то странное, необычайное, чего еще не встречали ни Андрюша, ни его маленькая спутница никогда за все время их коротенькой жизни.

Глава XII

Получеловек-полузверь с добрым сердцем

К изумленным детям у входа в их пещерку подошло небольшого роста круглолицее существо, все с головы до ног зашитое в звериную шкуру. На странном существе была меховая куртка, плотно обхватывающая его спину и грудь, длинные штаны, узкие, словно трубки, из того же меха, невысокие сапоги из шкуры какого-то желтого зверька и меховой колпак, надвинутый на самые брови, из-под которых, поблескивая, сверкали маленькие, косо расставленные, но отнюдь не злые глазки. Плоский приплюснутый нос, толстые губы и румяные лоснящиеся щеки – все это так и дышало не то недоумением, не то любопытством.

Странное существо смотрело во все глаза на детей. Дети – на странное существо. Потом маленькие глазки звероподобного, благодаря его шкурам, человечка сузились. Лицо расплылось в широчайшую улыбку. Прищелкнув языком, странное существо проговорило ломаным русским языком:

– Твоя, здравствуй! – и закивало меховым колпаком вперед и назад, вправо и влево.

– Здравствуйте! – едва приходя в себя от изумления, произнес Андрюша. – Это вы убили медведя? – тотчас же сделал он вопрос.

– Моя убил, – опять закивал и заморгал глазами маленький человечек, – моя убил. Нымза убил. Великий шайтан¹ помог Нымзе. Лесной хозяин² пришел на чум³ к Нымзе, барана взял, рыбы взял и в лес ушел. Нымза за ним... В тайге догонял, стрелу пускал. Не долетала стрела... Другая пускал... не долетала... топором башка рубил, пополам башка... Помер лесной хозяин!

– Убит, – согласился Андрюша.

– Хорошо убит. Не встанет. Шкуру моя в город к русским понесет. Мясо коптить на шоле будет моя и твоя угостит. Поди на чум к Нымзе, твоя у Нымзы в гостях будет!

И странное существо ободряюще похлопало по плечу Андрюшу.

– Спасибо, что в гости зовешь... Я и эта маленькая девочка устали и голодны... Накорми нас у тебя на чуме... Ты ведь живешь близко? – попросил он странного человечка.

– Моя близко, ошень-ошень близко живет, в тайге живет. Моя – остяк. Нымза – остяк, лето рыба ловит, зимой зверя бьет. Моя давно в тайге живет... Одна живет... Шкуры носит продавать на русские город... Нымза – остяк, но русских любит, хоть великому шайтану и лесным духам молится. Русским Нымза первый друг. Вот убил лесного хозяина Нымза; моя – лапы себе берет, твоя – голову отдаст, сердце и печенку, все самое, ух, вкусная другу отдаст Нымза!

– Спасибо тебе. Сведи нас к себе, голубчик. Девочка устала и голодна, и я тоже, – попросил Андрюша.

– Твоя сестра? – ткнул бесцеремонно остяк пальцем в Сибирочку.

– Нет. Сиротка, чужая. Помогите нам. А я тебе с медведем управиться помогу.

– Спасибо. Моя согласна. Вот бери нож. Не попорть только шкура. Гляди, как моя работать будет. – И, говоря это, остяк быстро вытащил острый нож из своего мехового сапога. Оттуда торчали еще деревянные стрелы с медными острыми наконечниками, похожими на маленькие кинжалы. Лук болтался на спине охотника. Ружья у него не было, только кривой топорик был воткнут за поясом. Медведь лежал неподвижно с другим таким острым топориком, ловко раздвоившим ему череп.

¹ Так остяки в Сибири называют своего бога.

² Медведь.

³ Изба, жилище у остяков – племени, населяющего глубь Сибири.

Нымза подошел к убитому зверю и начал с того, что вынул у него топорик из головы. Черная кровь брызнула из раны. Нымза бросился на колени, приник к голове медведя и с жадностью стал пить теплую кровь.

Сибирочка с ужасом и отвращением смотрела на Нымзу. Она не встречала еще охотников-остяков и не знала их обычаев и вкусов.

Между тем Нымза разрезал ножом под брюхом медведя его теплую шкуру и приказал Андрюше надрезать лапы. Когда мальчик сделал это, охотник без труда снял шкуру с дымившейся еще туши медведя. Потом своим острым топориком отрезал ему голову и четыре лапы, одну за другой. Затем изрубил тушу зверя на четыре куска и, приложив палец к губам, пронзительно свистнул.

Опять затрещали сучья и хворост, и легкий на этот раз шум пронесся поблизости. Пропшла еще минута, другая, и из чащи выскочила огромная мохнатая собака, очень похожая на медведя, запряженная в низкие розвальни-сани, в два аршина длины.

Обыкновенно у остяков бывают только маленькие, худенькие собаки – лайки. Но собака остяка была совершенно особенная, из породы больших, сильных охотничьих собак, которые только редко встречаются на далеком Севере. Увидя детей, собака вся оцетинилась было, и ее кровью налитые глаза со злобою покосились на них, а огромные клыки оскалились, но Нымза произнес какое-то слово по-остяцки, и страшный пес тотчас же притих. Теперь он только облизывался и косился на лежавшие куски мяса на снегу.

– Лун почуял вкусное мясо... Лун кушать хочет, – сказал Нымза, снова сморщив свое плоское приплюснутое лицо в улыбку, и похлопал собаку по ее всклокоченной шерсти. Та лизнула его руку и умильно завияла хвостом. – Моя добычу сейчас класть станет. Пускай Лун везет на путь... Твоя помогай... – коротко ронял Нымза, обращаясь к Андрюше, и, схватив самый большой кусок медвежьей туши, положил его в сани. Андрюша последовал его примеру. Когда последняя лапа мертвого и разрубленного на части зверя очутилась на розвальнях, Нымза снял с себя кожаный пояс и пристегнул им куски к саням. Потом он щелкнул языком, как-то особенно громко свистнул, и Лун, взявшись с места, двинулся в путь, волоча за собой сани в глубь тайги.

– Эк хороша! Хороша собака у Нымзы! – прищелкнул снова языком остяк. – А сейчас моя домой идет, и твоя тоже, и он тоже! – снова бесцеремонно тыкал пальцем Нымза то в сторону Сибирочки, то Андрюши.

Андрюша ласково кивнул ему. Он был рад какому бы то ни было отдыху и покою для себя и своей спутницы и, взяв за руку девочку, бодро зашагал вместе с нею за гостеприимным охотником к его жилищу.

Глава XIII

В чуме Нымзы. – Пиршество. – Из огня да в полымя

– Моя чум близка! – изредка ронял шедший впереди детей остяк. – Сейчас там будем.

Действительно, вскоре мелькнул просвет за деревьями, и небольшая поляна, сбегаящая скатом к лесному озеру, покрытому теперь толстым льдом и запущенному снегом, представилась взорам детей. На самом берегу лесного озера стояло остроконечное остяцкое жилище, книзу широкое,верху узкое, заканчивающееся шестом. Оно было сплетено из палок, покрытых звериными шкурами. Из небольшого отверстия вверху струился дымок. Остяк распахнул спущенную до пола шкуру какого-то зверя, и дети вошли в открывшееся им отверстие в чум. Посреди чума был устроен шол (так называют остяки очаг, род печурки); в нем тлели уголья и слабо догорал маленький синий огонек. На земляном полу чума лежали кошмы, то есть куски войлока и шкуры оленя и дикой козы, служившие заодно и постелью, и сиденьем. Незатейливая деревянная и глиняная посуда вместе с принадлежностями охоты, кривым ножом, топором

и не то копьём, не то багром, висела на стене чума. Тут же в углу лежала и рыбачья сеть, а на небольшой подставке вроде полочки находилась чья-то высеченная из камня, безобразная голова с огромным ртом и торчащими ушами.

Андрюша понял сразу, что это был идол, домашний божок хозяина, которому он молился, как и многие другие остяки-язычники.

– Садись, гостем Нымзы будешь, – произнес любезно остяк и усадил обоих детей на мягкие кошмы.

Потом он выскочил на минуту из чума, распряг Луна и вернулся в сопровождении собаки в жилище, с трудом таща на спине огромный кусок медвежатины. Сибирочка невольно попятилась при виде огромного пса, подошедшего к ней.

– Твоя не бойся... Пускай твоя не бойся, – закивал и заулыбался остяк, – Лун не тронет. Лун умный, не ест человека.

Действительно, Лун обнюхал ноги незнакомых еще ему гостей и преспокойно улегся около девочки, не сводя с хозяина умильного взгляда и тихо повиливая хвостом. Нымза растопил между тем шол, бросив в него сухой травы и валежника, и когда веселый огонек запылал в чуме, он воткнул на железный шест кусок медвежатины и прикрепил его над огнем.

Вскоре вкусный запах жаркого распространился по всему жилищу. Проголодавшиеся дети с восторгом помышляли о вкусном куске медвежьего мяса.

Лун тоже изъяслял некоторое нетерпение. Умный пес был, очевидно, убежден, что хозяин не забудет угостить и его.

Жаркое наконец поспело. Нымза разрезал его на куски, посыпал солью, но прежде чем приступить к пиршеству, снова выскочил из чума и на этот раз вернулся очень медленно и торжественно, неся в руках голову медведя. Внеся ее в жилище, он положил голову на полочку рядом со своим божком-идолом и, присев на корточки перед ним, зашептал что-то по-остяцки и, просидев с минуту, вернулся к шолу.

– Теперь моя знает, лесной хозяин не сердает на Нымзу... Я сказал ему, что только голод и нужда заставили Нымзу-охотника покончить с ним! Великий дух заступится за меня, – довольно улыбаясь, пояснил он детям и роздал им горячие медвежьи куски. Луну он бросил внутренности убитой добычи, и пес с жадностью принялся за них.

Андрюша вспомнил, что его покойный отец, знавший отлично нравы инородцев, рассказывал ему, что медведь, или лесной хозяин, как его прозывают остяки, почитается у них священным, и хотя его разрешено убивать, но не иначе, как по совершении некоторых обрядов.

Впрочем, Андрюше не пришлось долго думать. Голод, измучивший порядком детей, заставил их уйти всеми мыслями в еду. Куски опаленной огнем и копотью полусырой медвежатины показались им таким необычайно вкусным блюдом, какого ни тот, ни другая, казалось, не ели никогда!

Лун вполне разделял их мнение и с редким аппетитом уничтожал свою порцию тут же рядом. Но вдруг он оставил еду, наострил уши и, глухо зарычав, поднялся с места. Шерсть ошетинулась на нем, глаза налились кровью.

– Кто-то пробирается к чуму, Лун чует, – шепотом пояснил Нымза и, в свою очередь, приподнялся с кошмы, на которой сидел с жирным куском медвежьего мяса в руках.

Дети перестали есть и испуганно переглянулись. Андрюша вскочил первый. За ним поднялась Сибирочка.

– Что, если это Зуб разыскал нас? Надо бежать... – прошептал мальчик и, схватив за руку свою маленькую подругу, ринулся с нею к порогу остяцкого жилища.

В тот же миг с отчаянным криком дети отпрянули назад в глубину чума.

На пороге домика Нымзы стоял Зуб.

Глава XIV

Нымза-предатель и Нымза-друг

– Ага, попались! Вот они где, голубчики! – прогремел страшным голосом лесной бродяга. Его глаза, налитые кровью, его всклокоченные рыжие волосы и бледное, перекошенное от злобы лицо – все это было ужасно.

Сибирочка схватила дрожащими пальцами руку Андрюши и так и замерла на месте, впившись глазами, полными ужаса, в страшное лицо своего врага. Лун при виде непрошеного гостя ошетинился еще больше, выгнул спину и прилег к земле, глухо рыча, поглядывая на пришельца и готовясь прыгнуть на него по первому приказанию своего хозяина. Но Нымза цыкнул на Луну и пошел навстречу Зубу.

– Твоя что надо? – спросил он, не без любопытства оглядывая его.

– Вот их мне надо, ребят этих, на расправу мне они нужны! – грозно потрясая кулаками, грубо крикнул Зуб.

– Она моя гость, и она тоже, – не без достоинства произнес остяк, попеременно тыча пальцами то на Андрюшу, то на Сибирочку, – и твоя гость тоже будет; садись на кошма и ешь! – неожиданно заключил он добродушно, похлопав по плечу бродягу, и, отделив с прута при помощи ножа еще кусок мяса, передал его Зубу. Тот с жадностью схватил кусок и принялся есть, забыв все в мире. Несколько минут в чуме раздавалось только громкое чавканье усиленно жующих челюстей. Зуб, казалось, был очень голоден и забыл на время и свою вражду к детям, и задуманную им месть.

Но это лишь так казалось. Едва им был проглочен последний кусок, как он, с бешено засверкавшими глазами, заорал во весь голос:

– Эй, ты, остяцкая образина! Не думаешь ли ты, что куском мяса тебе удастся задобрить меня и я оставлю этих ребят в покое? Нет, брат, шалишь! Я расправлюсь с ними по-свойски... Дай мне их увести отсюда, а не то... – Тут он быстро сунул руку за голенище сапога и, вытащив оттуда огромный кривой нож, уже знакомый детям, с угрозой поднял его.

Нымза очень хладнокровно взглянул на страшное оружие, потом на детей и спросил Зуба, чуть усмехнувшись своими раскосыми глазами:

– Не пугай, брат русский, Нымзу... Моя не боится... На лесного хозяина пошел, не боится, твоя нож тоже не боится. Лучше толком говори: за что ножом грозишь детям?...

– Они сделали так, что моего отца и брата забрали, чуть не убили их, в тюрьму посадили... И меня бы посадили в тюрьму, да я вырвался и убежал. Мы их с отцом и братом, бездомных сирот, приютили, хлебом их кормили, за своих родных держали, а они, злодеи, на нас же напали, честных людей... Убить их мало, вот что! – глухо, хрипло и злобно вырвалось из уст бродяги.

– Ты лжешь, Зуб! Ты лжешь! – крикнул вне себя Андрюша и, весь дрожа от негодования, выскочил вперед. Его глаза горели, щеки пылали. Он весь трепетал от гнева, злобы и негодования. – Ты лжешь, – крикнул он еще раз, – не мы злодеи, а ты и твой отец с братом хотели погубить человека, а мы...

Андрюша не договорил. Как лютый тигр, Зуб бросился на него, пригнул его к земле и навалился на него всем телом. Казалось, еще минута – и от несчастного мальчика не останется и следа.

Сибирочка с плачем кинулась к бродяге и, рыдая, молила его пощадить ее маленького друга.

Зуб был вне себя от бешенства и злобы. Он не смел на глазах Нымзы покончить с мальчиком и в то же время не мог снести смелой выходки ребенка.

– Стой, приятель, стой! Моя говорить хочет, – неожиданно ударяя его по плечу, произнес остяк, – твоя мальчонка наказать хочет, так пусть твоя накажет, я помогу твоя... Моя с твоя мальчонка свяжет и на санки положит... И девушка тоже... Лун в санки впряжет... Твоя с ними сядет и на русская город повезет. Там русская начальник судить будет и наказан будет, кто виноват... Ладно моя говорит? – спросил он в заключение.

– Ладно говорит! – усмехнулся Зуб и, мгновенно поднявшись с пола, освободил Андрюшку.

Тот встал с угрюмо потупленными глазами. Он понял, что взрослому, сильному бродяге легко справиться с ним, с мальчиком, едва достигшим четырнадцати лет. А тут еще Нымза предлагает помощь его врагу... Предатель Нымза!

А Нымза уже нес веревки и крепко скрутил ими руки и ноги Андрюши.

– Твоя не сердись, приятель, – добродушно лепетал остяк, – твоя связать надо, не то убежишь твоя... И она связать тоже... – указал он на Сибирочку. – И в санки положить обоих надо... И Лун запречь... Она, – ткнул он пальцем в Зуба, – на русский город твоя повезет... Там тебя русский начальник судить будет.

Схватив связанного по рукам и ногам Андрюшу поперек тела, Нымза вынес его из чума и положил в санки, поставленные под навесом, сделанным из хвороста и ветвей.

Бессильный и взбешенный, несчастный Андрюша лежал на санях, не будучи в состоянии двинуть ни рукой, ни ногой.

«Все кончено, – холодея от ужаса, подумал мальчик, – злодею Зубу удалось уверить остяка, что мы сделали какое-то зло, что мы виновны и нас надо судить. И Нымза предал нас бродяге. Конечно, Зуб не повезет нас в селенье, а завезет в тайгу и там безжалостно зарежет своим огромным ножом. А Нымза и не подозревает этого; он ведь не знает, кто такой Зуб. Что же делать теперь?»

Эти мысли вихрем пронеслись в голове мальчика и рвали ему сердце.

Нымза между тем, лепеча что-то по-остяцки, торопливо вернулся в чум. Вскоре Андрюша увидел его вышедшим оттуда с Сибирочкой на руках. Девочка была связана тоже по рукам и ногам. На ее бледном личике был написан смертельный ужас.

– Нымза... послушай, Нымза... Он налгал тебе... он виноват, а не мы... Он беглый преступник и злодей... Освободи нас... во имя Бога, Нымза! – прошептал Андрюша, вкладывая в свой голос самую горячую мольбу.

Но Нымза не слушал его. Он молча положил девочку подле на санки, потом свистнул Луна, который и появился из чума в тот же миг. Так же молча остяк стал впрягать в сани свою большую собаку, вовсе не глядя на детей. Казалось, точно ему было стыдно встречаться глазами со взорами своих жертв. Он торопливо покончил работу и поспешил обратно в чум.

Вскоре оттуда послышался его голос, говоривший Зубу:

– Твоя может отдыхать... Твоя спи спокойно... Ребята не ушел... Веревки крепкий... А отдохнет твоя... ехать может... Лун дорога знает... Лун умен... больно умен собака...

– Ладно, усну, притомился я! – послышался в ответ грубый голос Зуба, и за ним последовал сладкий зевок.

Должно быть, вкусный обед и теплота чума разморили бродягу, и его теперь клонило ко сну. Вскоре голоса в чуме затихли, и оттуда послышался один только храп. Воспользовавшись этим, Андрюша тихо проговорил бодрым голосом на ухо своей маленькой подруге:

– Не бойся ничего. Он не посмеет сделать нам зла! – и в то же время с горечью подумал про себя: «Вряд ли он завезет нас далеко... Вернее, он убьет нас тут же, поблизости чума. Как он обманул доверчивого Нымзу! Ну что ж! Когда-нибудь надо умирать... Жаль только Шуру. Она еще так мала и не видела жизни... Бедное дитя!»

Он с усилием повернул голову в сторону девочки, желая еще раз ободрить ее, и увидел, что она лежит без движения. Сибирочка, очевидно, либо, не подозревая всей страшной опас-

ности, уснула, несмотря на неудобное положение в санях, либо, напротив, от пережитых волнений лишилась чувств.

Короткий зимний день клонился к закату. Было не позднее трех-четырех часов, а уже сумерки сгущались в тайге. Поднимался резкий ветер. Деревья зашумели кругом. Запряженный в сани Лун дремал стоя. Андрюша тоже закрыл глаза, стараясь забыться.

Вдруг чье-то легкое прикосновение к его плечу разом вернуло мальчика к действительности.

Перед ним в сумерках сгущавшегося раннего вечера стоял Нымза.

В его руках блестело что-то. Андрюша вгляделся попристальнее в этот блестящий предмет и увидел, что это был нож, тот самый нож, при помощи которого остяк несколько часов тому назад на глазах Андрюши так ловко сдирал шкуру с медведя.

Страшная мысль промелькнула в голове Андрюши: «А вдруг Нымза пришел убить их, чтобы сделать приятное Зубу?»

Холодный пот проступил на лбу мальчика, сердце перестало биться.

Остяк наклонился над лежащим и поднял руку.

Андрюша невольно закрыл глаза, шепча молитву. Что-то холодное коснулось его руки... И когда он снова поднял веки, веревки, связавшие его ноги и руки, а также и Сибирочки, были уже в руках Нымзы.

Последний наклонился к самому уху мальчика и, широко улыбаясь своим плоским, широким, как луна, лицом, заговорил быстро-быстро:

– Нымза – твоя приятель... Нымза – твоя друг... Нымза знает, что там (он указал рукою по направлению чума) спит злодей... Злодей хотела убить твоя и девушка, но моя спасла. Моя решил: надо связать и положить ваша в санки, надо, чтобы злодей видал, как ему помогают, и уснул спокойно... А теперь вот что: бери вожжи... Твоя поедет. Лун повезет. Лун дорогу знает на русский поселок. Там машина ходит. Машина на Тобольск пойдет... С Тобольска на русский землю дальше можно поехать... Ну, твоя прощай... Девушка, прощай тоже... Счастлива дорога... На поселке Лун пошли обратно... Он уж сам дорогу знает. А моя злодею скажет: «Убежали оба и Лун украли». Вот хорошо! Прощай!

И, охваченный радостным оживлением, добрый остяк погладил по голове Андрюшу, потом Сибирочку, недоумевающе, спросонья таращившую глазенки. Затем, попробовав упряжь на Луне, обнял его лохматую голову и долго шептал ему что-то по-остяцки прямо в мохнатое ухо. Лун точно понял, что ему шепнул его хозяин, разом взял с места как встрепанный и не хуже любого коня помчался вскачь, унося привязанные к нему санки с двумя детьми.

Андрюша оглянулся назад: ему хотелось поблагодарить великодушного Нымзу, хотелось выразить ему все, что он чувствовал к своему спасителю в эту минуту; но когда он посмотрел назад, ни чума, ни Нымзы уже не было видно. Одна глухая тайга шумела позади него.

Глава XV

Пурга. – Новая опасность. – У цели

– Какой он добрый! Какой великодушный! Он не побоялся даже дать нам все свое богатство: и Луна, и санки, – говорил Андрюша Сибирочке, предварительно рассказав девочке про поступок Нымзы. И тут же он смолк смущенно, вспомнив, как заподозрил благородного остяка в сообщничестве с бродягой Зубом, как он испугался его ножа, когда тот пришел этим ножом перерезать веревки и дать им свободу...

Лун между тем не убавлял ходу, несмотря на то что ночь сгущалась и в тайге воцарялась постепенно полная тьма. Он, со свойственной охотничьей собаке чуткостью, отлично выбирал дорогу, минуя деревья, выраставшие на каждом шагу, как огромные черные призраки.

Но вот неожиданно поднялся ветер, затрещали вершины великанов дубов, посыпались старые гнилые сучья. Поднялась метель-пурга и закружилась по тайге, вырывая снежные хлопья и носясь с ними по лесу.

– Какое несчастье, – произнес Андрюша, – теперь нам вдвое труднее добраться до поселка. Пурга разыгралась не на шутку, и бедному Луну будет очень тяжело везти нас.

– Да, – согласилась Сибирочка, – и потом, ты не чувствуешь, что страшно холодно стало в лесу?

Действительно, стужа усилилась настолько, что даже привыкшим к студеному климату Севера детям она становилась все же не под силу. Мороз крепчал с каждым часом. С каждой минутой усиливался ветер. Все быстрее и быстрее кружила пурга. Ее злобный свист и дикий хохот жуткими, чудовищными голосами наполнили лес...

Дрожа всем телом, прозябшие дети жались друг к другу, стуча и лязгая зубами.

– Скорее бы, скорее добраться до жилья... Лун, голубчик, выручай из беды, родимый! – уже не опасаясь испугать свою маленькую спутницу, вслух говорил Андрюша.

Скрывать было нечего теперь. Сибирочка не хуже мальчика понимала грозившую им опасность. Замерзнуть в лесу и быть заживо погребенными пургой! О, какое новое страшное испытание посылала им судьба.

– О, если бы добраться только до поселка, – говорила она, с мольбою складывая онемевшие ручонки и поднимая к темному небу молящие глаза, – только бы выбраться из этой ужасной тайги, доехать до машины... Мы никогда не вернемся сюда больше... Мы уедем в Петербург, Андрюша, к тете Аннушке, как велел дедушка... Попросим добрых людей дать нам на дорогу и уедем, – еле ворочая языком, роняла она.

– Нет-нет, просить не надо... На дорогу нам с тобою хватит денег, – также с трудом отвечал Андрюша. – Покойный отец оставил мне немного денег, умирая. Я ношу их всегда с собой... Они зашиты в подкладке моей куртки. Я так боялся, чтобы Палец с сыновьями не отняли их у меня. Нам хватит этих денег на дорогу... Лишь бы добраться до поселка. От него рукой подать до машины, а там в Тобольск, оттуда в Петербург к твоей тетке! Да... да!

– А ты поедешь со мною? – робко произнес под ухом Андрюши трепещущий, охрипший голосок. – Поедешь тоже к тете Аннушке?

Андрюша крепко обнял девочку.

– Я с тобой никогда не расстанусь, Шура! Ты будешь моей маленькой сестренкой. Отныне я всегда останусь твоим защитником и другом. Ведь мы оба сироты и оба одиноки... Сам Господь свел нас с тобой, – решительно проговорил мальчик и ласково взглянул в посиневшее от стужи личико своей спутницы.

Между тем Лун невольно замедлял все больше и больше шаг. Пурга свирепо насканивала на несчастное животное, хлопья снега слепили ему глаза, ветер, бросаясь под ноги, мешал бежать вперед. Пена комками катилась изо рта коня-собаки. Он едва передвигал ноги. Его

шаг становился все медленнее и медленнее теперь. Наконец он остановился совсем и, силясь оглянуться на детей, громко, протяжно завыл. Андрюша весь встрепенулся, точно очнувшись от тяжелого сна.

– Я знаю, что делать, – стараясь говорить бодро, произнес он, лязгая зубами. – Я отпрягу Луна и пушу его одного. Привяжу только к его шее мой пояс. Он доберется до поселка и приведет к нам людей... Они успеют найти нас, пока мы не замерзнем! Не правда ли, Шура?

– Делай что знаешь. Ты такой умный и большой! – прошептала девочка, сонливо склоняя на плечо Андрюши свою отяжелевшую головку.

Мальчик, с трудом двигая заоченевшими ногами, вылез из саней и трясущимися, холодными, как лед, скрюченными пальцами стал отвязывать веревочную упряжь Луна. Потом он ласково обнял одной рукой умную собаку, другою с трудом отстегнул на себе пояс и перекинул как ошейник через голову животного. Умный пес понял, казалось, чего от него хотели. Он ласково взвизгнул, лизнул руку Андрюши, в котором чуял теперь своего временного хозяина, и, блеснув в темноте глазами, с громким лаем исчез за деревьями тайги.

Андрюша медленно вернулся к саням. Его тело ныло, разбитое стужей. Глаза слипались, голова кружилась, и все мысли путались в ней. Он взглянул на Сибирочку, лежавшую неподвижно на санках. Во тьме наступающей ночи ее лицо смутно белело. Он притронулся к нему рукою. Оно было холодно и неподвижно.

– Замерзла! – воплем вырвалось из груди мальчика. – Замерзла! Оттереть ее надо снегом... Надо согреть во что бы то ни стало! – лепетал он коснеющим языком и нагнулся к ней исполнить свое намерение... Но тут в голове у него вдруг зазвенело, страшная сонливость сковала все существо, и мальчик, обессиленный, упал на снег рядом со своей маленькой подругой.

А пурга по-прежнему все шумела, все бесилась и громко свистела над головами двух замерзающих детей...

Часть II

Маленькая укротительница львов

Глава I

В огромном городе

- Петербург! Приехали!
- Уже приехали, дяденька?!
- А ты бы еще хотел ехать, мальчуган?

И высокий плечистый кондуктор, добродушно ухмыляясь, похлопал по плечу Андрюшу.

– Никак, короток путь от Тобольска показался тебе, паренек? – прибавил он с ласковым смехом.

Путь от Тобольска до Петербурга не мог ни в каком случае уставшим и измученным за дорогу детям показаться коротким. Добродушный кондуктор шутил, говоря это; но ни Андрюша, ни Сибирочка, приютившиеся в уголке вагона, не могли отвечать шуткой на шутку. Чужой, незнакомый им город, мелькавший вдалеке огромными домами, церквями, высокими трубами фабрик и заводов, – все это было так малознакомо, так чуждо для детей, выросших в тишине дремучей тайги и маленьких крестьянских поселков! К тому же они ехали не только в чужой город, но и в чужую семью, в семью какой-то тети Аннушки, которую Сибирочка знала только по рассказам покойного деда да по ее редким письмам из Петербурга, а Андрюша и вовсе не знал этой тети.

Прошло около двух месяцев с той минуты, как замерзших до полусмерти детей отыскал умница Лун, приведший за собою толпу людей из селения. В это селение остяк Нымза

частенько возил на продажу рыбу и зверей, и в поселке хорошо знали коня-собаку лесного охотника. Завидя Луну с привязанным на его шее поясом, обитатели селения решили, что Нымза погибает где-нибудь в тайге, сбившись с дороги, и с фонарями кинулись его разыскивать в лесу. Благодаря сильно развитому чутью того же Луна детей удалось скоро найти. Их тотчас же оттерли снегом, завернули в овчинные полушубки и, со слабыми признаками жизни, привезли на том же Луне в поселок.

Здесь их уложили в теплой избе на полати, дав им выпить по глотку крепкой сибирской водки с чаем. Потом, когда они пришли в себя, их накормили и снова напоили горячим... К этому времени отдохнул и Лун, плотно закусив, в свою очередь, овсяной похлебкой, и отправился домой к своему хозяину, в тайгу, благо, стихла пурга и зимняя ночь сменилась к тому времени утренним рассветом. Дорогу из поселка в тайгу умный пес знал отлично.

Дети прожили и отдохнули в селе у гостеприимных крестьян, а когда окончательно поправились и запаслись силами, пустились в путь, в далекую и чуждую им столицу...

Поезд с пыхтением и шумом подкатил к платформе.

– Ну, вот и доехали... Больше, стало быть, не повезут. Баста! – пошутил снова кондуктор, глядя на смущенные личики детей.

Те, видя, какая суматоха поднялась в вагонах, смущенно забились в угол, глядя оттуда растерянными глазами на всю эту сутолоку. Рядом с ними особенно торопилась собирать свои узелки и мешочки какая-то старушка. Дальше плакал ребенок, испуганный суетою. Трое чернорабочих, толкая публику, протискивались к выходу.

– Пойдем и мы, – произнес Андрюша и, взяв за руку Сибирочку, стал пробираться с нею из вагона.

Вот и платформа. Здесь суматоха еще больше, нежели в поезде. Бегут носильщики, бежит публика – все стремятся куда-то вперед. В узком проходе набралась целая толпа. Толкая друг друга и громко разговаривая, все высыпали на подъезд вокзала. Андрюша с Сибирочкой двинулись следом за остальными.

Длинная широкая улица, огромные высокие дома, магазины с зеркальными стеклами, конки и трамваи, нарядные экипажи и та же суетливая публика – все это разом представилось их глазам.

Свистки, звонки, стук колес и шум столичного города оглушили их. Они остановились как вкопанные посреди улицы, не зная, куда идти, в какую сторону направить шаги.

– Эй, берегись! Чего рот разинули! – послышался резкий окрик за плечами детей, и едва успели они отскочить немного в сторону, как мимо них промчалась великолепная коляска, забрызгавшая их грязью с ног до головы.

Почти одновременно с этим, как из-под земли, выросла перед детьми фигура полицейского.

– Что под лошадь лезешь? Не видишь разве? Гляди еще за вами!.. Есть время тоже!.. Смотри в полицию отправлю! – накинулся полицейский на Андрюшу.

Тот смотрел смущенно и по-прежнему крепко сжимал руку Сибирочки, точно боясь, что ее отнимут у него.

Городовой мельком взглянул на детей и отошел к своему посту.

– Пойдем же, а то он опять рассердится! – шепнул Андрюша своей спутнице. – Повтори мне еще раз, где живет тетя Аннушка.

– Карская улица, дома номер два квартиры номер пять, – проговорила Сибирочка давно наизусть заученный ею со слов деда адрес тетки.

– Вот и отлично. Спросим, где находится Карская улица, – внезапно оживившись, произнес Андрюша и, подойдя к тому же городовому, спросил: – А не знаете ли, дяденька, где здесь Карская улица будет?

– Здесь нет такой! – ответил, точно отрубил, полицейский. – Есть такая на другом совсем конце столицы, на Выборгской стороне, далеко отсюда. На конке либо на трамвае ехать туда надо.

Андрюша вздохнул. Ехать на конке им было не на что. Последний двугривенный он истратил сегодня на еду Шуре и себе. Купил ей в поезде яиц, пирожков, хлеба. Теперь у него оставалось только две копейки и больше не было ни гроша. Деньги, скопленные для него бедняком отцом и врученные сыну незадолго до смерти, все вышли на дорогу из Сибири в Петербург.

Но Андрюша не растерялся.

– Вы только путь укажите, дяденька, а уж мы доберемся как-нибудь! – смело тряхнув головою, обратился он снова к городовому, с полной готовностью идти хоть на край света.

Тот подробно объяснил дорогу на Выборгскую сторону, и дети бодро и весело пустились в путь.

Глава II

Тяжелое разочарование

Улица за улицей. Переулок за переулком. О, сколько этих улиц и переулков! Нет им, кажется, ни счета, ни числа. И всюду огромные дома и роскошные магазины с заманчиво разложенными в витринах товарами! Глаза у детей разбегались при виде этих витрин, этих товаров. Ничего подобного им не приходилось еще встречать в жизни. Поневоле они останавливались перед каждым окном, перед каждой витриной и подолгу любовались невиданным еще им зрелищем. Между тем быстро наступал вечер. На улице начинало темнеть. Зажглись электрические фонари, и город сразу принял праздничный вид.

Вскоре показалась нарядная набережная и начинавшая освобождаться от своего зимнего ледяного покрова петербургская красавица река Нева.

Сибирочка устала. Маленькие ножки девочки, успевшие отвыкнуть от движения за продолжительное время путешествия из Сибири, начинали болеть. На большом мосту, перекинутом через реку, они и совсем отказались служить. Заметив это, Андрюша, не говоря ни слова, поднял девочку на руки и понес.

– Помнишь, как тогда, в тайге? – напомнил он ей шепотом и улыбнулся.

Сибирочка только молча прижалась к нему. Бодро шагая своими сильными ногами, Андрюша миновал мост и вступил на другой берег Невы, всюду по дороге расспрашивая, как добраться до Карской улицы. Здесь уже не было таких огромных домов и блестящих магазинов, а если и были, то они шли вперемежку с маленькими деревянными двухэтажными домами. Вскоре и этих маленьких деревянных домиков стало попадаться все меньше на пути. Андрюша с Сибирочкой наконец вступили в узкую, бесконечно тянувшуюся в длину улицу. Чем дальше углублялись они в нее, тем она становилась все пустыннее и глуше. Наконец улица повернула в узкий переулок и прямо уперлась в какой-то забор. Два-три покосившиеся дома составляли все жилища этого захолустья.

Андрюша поднял голову и прочел надпись на углу одного из них:

– Карская улица!

– Здесь! Здесь живет тетя Аннушка! – разом оживилась и обрадовалась Сибирочка и легко соскользнула с рук своего друга.

– Дом номер два, – прочел Андрюша, – как раз этот... Пойдем!

И они быстро направились к воротам покосившегося деревянного домишки.

Минуя ворота и грязный двор, они вошли не то в коридор, не то в какие-то сени и очутились в полной темноте. Дети стояли, не зная, что предпринять, как неожиданно яркая полоска

света прорезала тьму. Какая-то дверь отворилась подле, и растрепанный человек с сапожной колодкой в руке появился на пороге.

– Вам чего надо? Чего шляетесь по чужим квартирам? Нищие, что ли? Нищим мы здесь не подаем! – крикнул он резким и грубым голосом.

– Нет, мы не нищие, – заторопился пояснить сердитому человеку Андрюша, – мы тетушку Аннушку, Анну Степановну ищем. Она здесь живет?

– Анна Степановна Вихрова? Коли она, так у меня комнату снимает, – смягчился незнакомец. – Ступай сюда... Родные вы ей, что ли? – коротко бросал он на ходу.

– Она вот родная... – указал Андрюша на Сибирочку. – Ее отца внучка, а я чужой... Укажите, дяденька, как нам к тетке-то пройти...

Сердитый человек с колодкой пошел вперед, ворча себе под нос что-то. Дети последовали за ним. Они переступили какой-то порог, где их охватил запах кислой капусты и какой-то затхлости. Несмотря на густые клубы дыма и чада, дети увидели, что они находились в чьей-то грязной кухне. Здесь хлопотала у плиты какая-то женщина. Двое ребятишек держались за ее подол. В углу кухни, сидя в поленьях, два дюжих парня трудились над сапожной работой.

– Анна Степановна! Гости к тебе! – грубым голосом крикнул хозяин квартиры и, широко распахнув небольшую дверцу, обитую рваной клеенкой, легонько толкнул в нее детей.

Андрюша и его спутница очутились в небольшой светлой комнате, большую часть которой занимала кровать, накрытая белым пикейным одеялом, с грудой подушек на ней. В углу стоял, прислоненный к стене, клеенчатый диван. Перед диваном стол, покрытый репсовой скатертью, и несколько кресел. Огромный сундук в одном углу, комод – в другом и киот с образами составляли все убранство комнатки.

Посреди комнаты стояла женщина в темном домашнем платье, с гладко причесанными волосами, с худым желтым лицом и с пронзительными, маленькими, как у мыши, бегающими глазками. Эти бегающие глазки горели нездоровым, лихорадочным огнем.

Увидя на пороге появившихся детей, женщина невольно попятилась в глубину комнаты и замахала руками, причем лицо ее сделалось красным как рак.

– Нищих не пускаю... не подаю нищим!.. Сама нищая... сама голодаю!.. – закричала она и вдруг решительно направилась в угол, где стоял сундук, и, опустившись на него, схватилась руками за его края.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.